

Протоиерей Всеволод Шпиллер: Из проповедей в Николо-Кузнецком храме

Проповедь

Вторая неделя Великого поста,

Св. Григория Паламы (22 марта 1981 г.)

Когда мы с вами вступали в Великий пост, братья и сестры во Христе, то перед нашим мысленным, духовным взором стояли слова евангельские, слова, сказанные Спасителем: «Если не отпустите грехи человекам, Отец ваш Небесный не отпустит вам ваши грехи». Эти слова прежде всего о неосуждении, о том, что осуждение друг друга нам препятствует войти в Царство Небесное, быть со Христом, быть с Богом. И именно неосуждение вводит нас в Царство Небесное, соединяет нас со Христом. И в этом духе неосуждения мы просим друг у друга прощения в Прощеное воскресенье перед Великим постом.

Мы вошли в Великий пост и начали следовать путем, который лучше всего характеризуется молитвою Ефрема Сирина, которую мы так много, много раз повторяли на первой седмице Великого поста — не только ежедневно, но ежечасно. В этой молитве мы просили помощи Божией для того, чтобы не было в нас того плохого, чего так много в нас. Мы просили, умоляли Бога дать нам целомудрие, смиренномудрие, терпение и любовь, и умение зреть, видеть свои грехи и не осуждать братьев своих. Повторяли, ежечасно повторяли эту молитву по многу раз, а не только ежедневно. Первые дни первой седмицы Великого поста одни из нас слушали, а другие читали Покаянный канон Андрея Критского, который учил нас зреть свои грехи, видеть свои грехи и не осуждать.

О неосуждении я хочу здесь сказать буквально два слова — о силе неосуждения. Около нашего великого русского святого Серафима Саровского жил простой монах Павел. Никакими подвигами он не подвизался: ни покаянным подвигом, ни молитвенным подвигом, ни постом — ничто его не отличало от простых людей. Но когда умер Павел, Серафим Саровский, которому были открыты небесные тайны, сказал: «Вот, брат Павел ничем не отличался от простых людей, никакими подвигами, а ведь вошел в Царство Небесное! Только за одно то, что никогда нигде никого не осудил». Вот в этом духе неосуждения зовет Церковь жить и подвизаться всякими подвигами: и покаянным подвигом в посту, и всеми другими.

Мы обращаем большое внимание на режим еды во время поста — он имеет особое значение, но не нужно ему усваивать большего значения, чем он имеет. Не нужно думать, что картошина и постное масло вводят в Царство Небесное. Нет, именно подвиг неосуждения людей, терпение: «Ей, Господи Царю, даруй мне зрети моя прегрешения и не осуждати брата моего, яко благословен еси во веки веков. Аминь».

Молитва Ефрема Сирина «Господи и Владыко живота моего...» сопровождала нас всю первую седмицу. Она научала нас, как нам жить и для чего жить. Для того, чтобы быть со Христом, для того, чтобы быть с Богом. И мы так и старались жить на этой первой неделе Великого поста, творя эту молитву и имея ее постоянно не только в памяти, но в сердце и в наших устах.

Прошла первая неделя Великого поста. Пришло первое воскресенье Великого поста, посвященное Церковью Торжеству Православия. Какому торжеству? В чем это торжество? Конечно, в установлении иконопочитания, потому что именно это событие вспоминалось в

первое воскресенье Великого поста. Но оно праздновалось нами совсем не как историческое событие, праздновался нами догматический смысл установления иконопочитания.

Много-много лет назад христиане не знали, как относиться к иконам. Много-много лет шла борьба между христианами. «Нет, иконы не надо почитать. Как можно изображать Бога, Которого никто никогда не видел? Бог невидим никогда, следовательно, Бог неизобразим». И вот, более тысячи лет тому назад собрался VII Вселенский Собор и решил: изобразим Бог! Потому что между первообразом и образом Божиим («икона» — это греческое слово, которое значит «образ»), между Богом и иконою есть живая, действительная, реальная связь. И, поклоняясь иконе Бога, мы поклоняемся не дереву, мы поклоняемся не скульптуре какой-нибудь, мы поклоняемся не веществу — мы поклоняемся Самому Богу, потому что связь эта такова, что некоторые свойства Первообраза (в данном случае — Самого Бога) переходят на изображение, на икону, на образ Божий. Поэтому иконы — место встречи человека с Богом, человека со святым, со святостью. И некоторые свойства изображаемого на иконе — и Бога, и святого — переданы на этой иконе. Эта святость становится свойственной самой иконе. Так что, поклоняясь иконе и почитая икону, мы почитаем эту святость и приобретаем силу, которая имеется в ней как свойство изображаемого на ней святого, или Самого Бога, или Божьей Матери.

Смысл Торжества Православия заключался в том, что открыта была новая истина православной веры. И когда после этого первого воскресенья Великого поста мы вступили во вторую седмицу, мы уже шли новым путем. Каким же путем? Дело в том, что икона, изображающая Бога, как учили святые отцы, установившие иконопочитание, возможно, соединяется с некоторыми свойствами Божиими потому, что Сам Бог-Творец вписал в каждого человека Свой образ, Свою икону. Каждый человек носит в себе живой образ Божий.

И вот, вступив во вторую седмицу Великого поста, мы уже хорошо знали, что образ Божий в нас есть. И этот образ Божий имеет в себе свойства Самого Бога. И цель устремления поста, устремления всех наших подвигов — покаянного, молитвенного, просьб наших — есть устремление к раскрытию в нас образа Божия, который вписан в нашу природу, в наше естество рукою Самого Бога-Творца. Легче стало дышать, лучше стало жить, мы чище становимся, видя, куда мы идем, и зачем мы идем, и о чем просим Бога.

Так шла вторая неделя Великого поста и привела нас к сегодняшнему воскресенью. Вторая неделя, второе воскресенье Великого поста всегда ставит мысленный, духовный наш взор перед учением святого Григория Паламы об образе Божьем в нас, потому что мы спрашиваем себя: «А что же такое «образ Божий», вписанный Самим Богом в нас? В чем же он? Каков он? Что он такое?» А Григорий Палама именно на этот-то вопрос и отвечает. Святой Григорий Палама написал много творений, но одно из самых больших его творений, самых важных — это так называемый «Томос веры». И в нем святой Григорий Палама говорит, что образ Божий в нас — это прежде всего свет, не физический свет, а тот самый свет, которым был осиян на Фаворской горе Господь Иисус Христос в час Своего дивного Преображения. Это свет славы Божьей, и образ Божий в человеке есть луч этой славы Божьей.

Человек с образом Божиим в себе творит невероятные вещи — он его калечит, оскверняет, затемняет. Это мы знаем. Но, может быть, не все знают, что образ этот все-таки неуничтожим. Уничтожить в себе образ Божий человек не может по милости Божией к нам. Он неуничтожим! И он каждому из нас присущ этот свет нерукотворный, присносущный свет славы Божией, явленный на горе Фаворской в час Преображения Господня.

Вот в чем смысл учения Григория Паламы об образе Божиим в нас, неуничтожимом и обладающем силою Божественной энергии. Раз мы знаем об этом, то следующую седмицу

будем идти еще легче, чем шли до сих пор. Так вот что мы имеем внутри себя, вот что мы можем раскрыть!

Вернусь к святому Серафиму Саровскому. Святой Серафим Саровский имел ученика — Мотовилова. И однажды, когда Мотовилов спросил: «Старче, отче, а что такое Царство Небесное, слава Божия Царства Небесного?», Серафим Саровский сказал: «Я это тебе покажу» — и показал. Он был весь сияян, сразу вошел в сияние необычной красоты, необычайного света, и Мотовилов пережил совершенно то же, что пережили ученики Христовы у подножия горы Фаворской, — им стало так хорошо (вы помните это), что Петр сказал: «Господи, мы не хотим отсюда уходить. Давай построим три кущи, останемся здесь». И когда Мотовилов увидел этот свет в Серафиме Саровском, ему тоже стало так же хорошо. Именно потому, что этот свет — божественный свет, отблеск, луч божественной славы, явленной на Фаворской горе. Он нам присущ, каждому из нас он дан в образе Божиим, который вписан в каждого человека.

И будем идти этим путем, по которому нас ведет молитва Ефрема Сирина «Господи и Владыко живота моего...», будем этим путем идти еще увереннее, чем прежде (обыкновенно мы и идем еще увереннее на третьей седмице Великого поста), потому что знаем, что в нас есть то, что мы раскрываем в себе на путях настоящего, истинного покаяния.

Григорий Палама свой «Томос» начинает замечательными словами, словами, взятыми у апостола Павла. «Мы — причастники Божества», — говорит святой Григорий Палама. Апостол Петр сказал даже сильнее: «Мы — причастники Божественного естества». Вот кто такой человек, вот что такое человек!

Среди слушающих меня сейчас есть люди, занимающиеся литературой, музыкой, искусством, и они лучше меня знают, конечно, как много больших, самых больших умов человечества отмечало, что смысл жизни человека заключается в том, чтобы человек нашел самого себя. Великий северный писатель Ибсен как раз об этом говорил в одном из своих главных произведений: «Человек ищет самого себя, и он должен искать и найти самого себя». Герой этого великого классического писателя стал героем и известного музыкального произведения тоже северного музыканта Грига (напомню вам об этом для того, чтобы вам было легче ориентироваться в том, о чем я говорю). А что значит «найти самого себя»? Это значит как раз найти в себе, увидеть в себе причастность Божеству и свою жизнь построить так, чтобы эта причастность Божеству была осуществлена.

Она осуществляется тогда, когда идет человек путем веры в Бога и веры в человека, которую проповедует Церковь. Эта причастность раскрывается, этот образ осуществляется человеком на том самом пути, о котором говорит молитва святого Ефрема Сирина. Мать-Церковь по-матерински берет за руку каждого из нас и ведет по тому пути, на котором человек непременно находит самого себя в самом высоком смысле слова, находит причастность Божеству в глубине своего существа. Конечно, Царство Божие существует объективно вне нас, но никогда не забывайте: Христос сказал, что Царство Божие также внутри нас. Вот, чтобы раскрыть его в себе, нужно послушаться Церкви, нужно принять материнское ее руководство, нужно отдать свои руки Матери-Церкви. И она, за эту руку тебя взявши, приведет непременно к счастью раскрытия в себе всего самого лучшего, самого святого, что может быть, — причастности Божеству. «Мы — причастники Божества» — как говорит Палама.

Аминь.

Третья неделя Великого поста, Крестопоклонная (29 марта 1981 г.)

Почему на третье воскресенье Великого поста выносятся на середину храма Крест Господень?

Что такое Крест, дерево крестное, на котором был распят Иисус Христос? Что такое Крест и почему именно на этой неделе, именно в это воскресенье выносятся он на середину храма и следующая седмица вся назначена Церковью быть Крестопоклонной?

Крест, по учению Церкви (вы это можете найти, например, в каноне Кресту Господню, который каждую пятницу читается в келейном правиле), — это есть образ Пресвятой Троицы, Триипостасного Бога: Бога-Отца, Бога-Сына и Бога Духа Святого. Вот что такое Крест — образ. Какое отношение существует между Первообразом и образом? Мне уже не раз доводилось говорить с этого места — с проповеднического амвона нашей церкви — об отношении между Первообразом и образом, а в данном случае — между Пресвятою Троицею и крестным знамением, Крестом, который стоит перед нами. Отношение это такое, что некоторые свойства Божии, Самого Бога, Самого Пресвятой Троицы присутствуют в этом Кресте, в образе.

Если бы я был каким-нибудь профессором, если бы это был не проповеднический амвон, а какая-нибудь кафедра, то я бы мог много рассказать вам об отношении между первообразом и образом. Не только между иконой и ее Первообразом — Божеством и Святостью, а между самым обыкновенным предметом, который мы себе представляем, и тем понятием, которое создает себе о нем человек. Я мог бы много рассказать о том, как образуется то, что понятие соответствует этому предмету, — это так называемое учение о гносеологической координации, это относится к теории познания. В самом деле, у человека познание о вещах, окружающих его, соответствует действительности. Это великая тайна. Очень большие умы, великие умы занимались этим отношением между первообразом и образом, между предметом и понятием, и открыли это соответствие в учении об этой самой знаменитой гносеологической координации. Но больше чем за тысячу лет до них святые отцы VII Вселенского Собора открыли тайну отношения между Первообразом и образом. И мне отсюда, с проповеднического амвона, достаточно об этом только напомнить, напомнить о том, что такая связь с первообразом, в данном случае Крестом, существует, и она в том заключается, что некоторые свойства, силы передаются образу от Первообраза.

Если Крест Господень есть знамение, есть образ Пресвятой Троицы, то это значит для нас, что некоторые свойства Самого Бога присутствуют в этом Кресте. Какие же свойства? Бог есть Любовь. И эта Любовь была явлена сначала в Боговоплощении, потом во всей земной жизни Иисуса Христа — Сына Божьего, Слова Божьего, второго Лица Пресвятой Троицы. Но особенное явление ее было на Кресте, на котором Он дал Себя распять. Распятие Господа Иисуса Христа на крестном древе — это была великая жертва за наши грехи, за грехи всего человечества, всех и вся. А другой любовь и не может быть, любовь только и может быть жертвенной, любовь только и может быть крестной — божественная любовь. Бог, Который есть Любовь, явил ее на Кресте. И Крест, который есть образ этой любви, имеет в себе и силу этой Любви.

Если память мне не изменила, то в одной из молитв в правиле к причащению, в молитве Симеона Нового Богослова, великого святого, великого угодника Божьего, говорится о том, чего мы у Бога просим: милости, состраждущей тепло кающемуся человеку, о милости, о дарах состраждущей любви к тепло кающимся людям. О каких дарах, о каких милостях? Это любовь состраждущая, сострадательная любовь, явленная на Кресте. Эта любовь дарует человеку общность с Божеством. Тепло кающийся грешник, тепло кающийся человек становится причастником Самого Божества, Божественного света. Он приобщается к божественной тайне Воскресения Христова, также становится общником, приобщается к Вознесению Христа, к изменению того естества человека, грешного естества, которое оказывается достойным и воскресения, и вознесения, и даже седения одесную Бога-Отца. Вот что дает состраждущая божественная любовь человеку, тепло кающемуся.

Позвольте вам напомнить, как у входа в Капернаум, когда входил туда Господь Иисус Христос, однажды собралась толпа, как всегда, — и в этой толпе была женщина, кровоточивая много-много лет. Она пробиравалась через эту толпу к Спасителю, она хотела только прикоснуться к краю Его одежды и сделала это — пробиравшись и прикоснувшись к краю одежды Христа Спасителя. И Христос остановился и спрашивает: «Кто ко Мне прикоснулся, потому что Я чувствую, что сила Моя изошла, вышла от Меня?» — сила Христова исцелила эту женщину мгновенно.

Когда мы поклоняемся образу Пресвятой Троицы — Кресту Господню и прикасаемся к нему, целуем этот образ, почитая его, то ведь это тоже есть как бы прикосновение к краю одежды Христа, благодаря тому, что свойства первообраза переходят в образ. Сила, которая есть во Христе, — мы от нее что-то получаем, братья и сестры, и не «что-то», а воскресение и вознесение — вот, что дается тепло кающемуся грешнику. Но нужно только одно — нужно, чтобы наша с вами вера и наше с вами покаяние, которое в вере берет источник, чтобы они были хоть как-нибудь похожи на веру, с которой та женщина искала прикоснуться к краю одежды Спасителя, и тогда от всех сил, заключающихся в Кресте, в образе Пресвятой Троицы, в Кресте Господнем, мы получим полное изменение всего нашего внутреннего и телесного состава.

Вот почему безмерной радостью и притом особенной, тихой радостью, совсем не шумной, не бурной, а благодатной тихой радостью переполняются сердца тепло кающихся православных христиан тогда, когда мы со всею православною церковью поем: «Кресту Твоему поклоняемся, Владыко, и святое Воскресение Твое славим».

Аминь.

Священник Георгий Кочетков: Проповеди на Стретение Господне. 1997 г.

Проповедь

Проповеди в храме Успения Пресвятой Богородицы в Печатниках. 14 февраля 1997 г. Слово на великой вечерне после паримий (Исх 12: 51, 13: 1-3, 10-12, 14-16; Лев 12: 1-4, 6, 8; Чис 8: 15-17; Ис 6: 1-12, 19: 1, 3-5, 12, 16, 19-21)

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа! Братья и сестры, христиане!

Ныне праздник — Стретение Господне. И мы, встречая этот праздник, вспоминаем все те прообразы, которые были явлены ко временам пришествия Спасителя, когда Он на сороковой день от Рождества Своего был принесен в Иерусалимский храм, чтобы освятиться, быть выкупленным, как все первенцы израильские.

Господь всегда говорил, что народ Его принадлежит Ему и служить должен только Ему. И это всегда актуально, дорогие братья и сестры. Но, конечно, наполняется это новым смыслом тогда, когда Господь, как сказал Он через пророка Своего Исайю, посылает «Спасителя и Заступника» для избавления народа Своего, когда являет Себя в Египте, т. е. на земле, в стране тени смертной, так что все рабы смерти «в тот день познают Господа, и принесут жертвы и дары, и дадут обеты Господу, и исполнят их», т. е. снова вернуться к своему Создателю и Спасителю.

Мы, дорогие братья и сестры, понимаем, что Господь, будучи Единородным Сыном Отца

Небесного и единородным сыном Девы Марии, свят так, как никто иной на земле. Если Он и подчинился Закону, если и нужно было за Него приносить эти скудные жертвы, то только потому, что, прийдя на землю, Господь не сверг с Себя иго Закона, ожидая того момента, когда это рабство уйдет, будучи смыто Кровью Христовой на Голгофе.

Господь жил «по плоти» под Законом и выполнял все, что требовал Закон, до тех пор, пока не потребовалось Закон «исполнить». Тогда Господь восполняет Закон Любовью, Милостью, Свободой, Духом и Истиной. И тогда Он живет уже не «по плоти», а «по Духу». И мы тогда уже познаём нашего Господа не «по плоти», а «по Духу». И мы стремимся жить «по Духу», не имея нужды в Законе, потому что пределы всему Господь наш Сам положил в сердцах наших, написав закон в сердце и дав нам силы для того, чтобы жить по-Божески.

Мы, живя в этом мире, постоянно боремся, постоянно находимся в этом борении — жить «по Закону» и под Законом, и значит «по плоти» и под законом плоти, или жить «по Духу», поклоняясь Богу во Истине, во Истине и в Любви.

Так случилось, дорогие братья и сестры, что этот апофеоз ветхозаветного Закона, когда нужно было на сороковой день от рождения первенца мужского пола приносить в жертву в воспоминание об освобождении из земли Египетской народа Божию, так случилось, что это самое событие стало для нас новозаветным событием Встречи, Сретения Бога и друг друга в Нем, для общения с Богом и ближними. Так случилось, что в этот праздник, в этот день встретились Ветхий и Новый Заветы, и соединились друг с другом, и как бы оттолкнулись друг от друга.

Мы с вами, зная, что жизнь под Законом и «по плоти» для Господа была ограничением Себя, Его кеносисом, мы, зная это, знаем и то, что это самоограничение, это самовоздержание имело смысл постольку, поскольку открывало путь Божию Завету Любви, Новому Завету. И мы, дорогие братья и сестры, празднуя в этот день прекрасное событие освящения по-человечеству Христа в ветхозаветном храме, еще с большей радостью празднуем это провозвещение Закона Свободы, Закона Христова, который предстоит нам усвоить и открыть в полноте и лично.

Будем же, дорогие братья и сестры, прославлять Господа, давшего нам эту силу примирения, освящения, и эту силу Встречи и Общения, которые невозможны без Любви Христовой, невозможны без Истины, Правды и радости во Святом Духе, т. е. без откровения Небесного Царства в нас и через нас.

Будем же, братья и сестры, стремиться к общению во Христе, будем ценить этот дар, ибо он обретен Им для нас самой дорогой ценою — ценой Своей Крови.

Аминь. 15 февраля 1997 г. Слово на утрене после чтения Евангелия (Лк 2: 25-32)

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа! Братья и сестры, христиане!

Сейчас мы слышали главный, основной рассказ о Сретении Господнем, о том, как Младенец Иисус на сороковой день после Своего рождения был принесен родителями в Иерусалимский храм, и как Он был взят в объятия праведным Симеоном, и как после этого Симеон благословил Бога, увидев Младенца Иисуса, узнав в Нем Того, Кого ждал, и воскликнул, говоря прекрасные слова о том, что вот теперь-то, когда видели очи его спасение Божие, он может отойти с миром к Богу, потому что, наконец — то, спасение Божие, уготованное пред лицом всех народов, к просвещению язычников и к славе народа Божию израильского, это спасение явилось, открылось и зримо воплотилось.

Как могло это быть, дорогие братья и сестры? Конечно, мы не можем настаивать на буквальнойности передачи того события, которое произошло в момент, когда Младенец Иисус на сороковой день от рождения, как требовал того Закон, оказался в Иерусалимском храме, чтобы быть выкупленным подобно всем первенцам израильским, для того чтобы милость Божия была на Нем и на доме Его. Но, дорогие братья и сестры, то, о чем говорит нам Евангелие, столь значительно, что другого по существу, не по букве, а по Духу, быть и не могло. Евангелие замечательно открывает нам именно этот дух, дух Встречи, дух Откровения, дух Явления Младенца Иисуса в средоточии духовной жизни ветхого Израиля — в Иерусалимском храме. Младенец появился там, где утверждались Закон и Пророки, но Он Сам был исполнением Закона и Пророков. И поэтому все в храме теперь сконцентрировалось на Нем Самом. Он Тот, Который отныне держит Израиль, в Нем спасение и Богопознание, уже не в Законе, не в Торе, не в откровении прежних пророков, которых так любили и ценили верные люди Израиля, а в этом немощном и в то же время духовно безгранично могущественном Духом и Любовью Младенце.

Младенец лежал на руках Симеона, и тут Он был им предузнан. А еще ранее Симеону было дано предсказание о Том, Кого он должен был встретить в жизни, — он должен был встретить Самого Христа Господня.

Так и мы, дорогие братья и сестры, должны всю свою жизнь жить благодатью встречи со Христом, ведь эта встреча, которая, может быть, покажется нам в конце нашей земной жизни как миг, может продолжаться всю нашу жизнь. И мы, дорогие братья и сестры, должны постоянно созерцать Христа и предстоять Ему, чтобы не потерять тот дар спасения, который возвещен и открыт нам от начала дней наших.

Аминь.

Слово после утрени.

Дорогие братья и сестры, поздравляю вас с праздником. Слава Богу, что в этом году праздник Сретения падает на субботу, и поэтому в этот день как бы встречается ветхозаветный покой с тем духом спасения, духом единения, духом дерзновения, который мы получили во Христе, духом общения, духом встречи и, значит, открытости наших сердец, способности идти друг другу навстречу, прощать друг друга, способности не презирать никого. Потому что Господь видит каждого человека и каждому желает спасения. Так же и мы, дорогие братья и сестры, желаем спасения каждому — и людям, давно находящимся в Церкви, и тем, кто только грядет на зов Христов, тем, кто только чувствует первое движение Духа Христова в себе, в своей жизни, в своих мыслях, во всем своем существе.

Будем же, дорогие братья и сестры, чаще обращаться к этому замечательному образу Сретения Господня, где участвуют Бог и человек, где осуществляется это удивительная радостная синергия, в которой мы не забываем о реалиях внешней жизни, в которой не боимся, не страшимся этих реалий, но в которой идем им навстречу, если на то есть воля Божия.

Храни вас всех Господь в этой силе исповедания, силе общения с Богом и ближними, друг с другом, так чтобы никто из тех, кого Господь призывает, не погиб, но чтобы все приобрели жизнь во Христе даром Духа Святого.

Аминь.

Слово перед исповедью.

Дорогие братья и сестры, как всегда, сами церковные праздники нам подсказывают, в чем нам следует каяться, что мы должны поставить как бы на первое место в своем покаянии. Они не дают нам забыть о том, что мы часто пропускаем самое главное в жизни, заботимся о вещах второстепенных, а главное не видим, хотя сказано Господом: « Взыщите прежде Царство Небесное и правду его, все остальное приложится вам», т. е. будет у вас в ту меру, которая вам нужна.

Мы слишком часто забываем о том, что является главным в нашей жизни. Мы действительно редко живем в радости встречи, общения, мы все время подменяем общение контактами или профессиональными, личными, часто корыстными интересами, оправдывая это скудостью своих средств, своей жизни. Мы забываем, что эта скудость-то — в нас. Это в нас скудно, это наше сердце узко, заскорузло, это нам трудно вместить наших ближних. Это мы больше думаем о себе и своем, а потом удивляемся, почему мы малоинтересны другим. Это мы хотим, чтобы нас благодарили, чтобы нас ценили, чтобы с нами общались, забывая, что общение есть подвиг и что человек, находящийся в постоянном общении в своем здешнем, земном бытии, — это подвижник, настоящий подвижник.

Как правильно писали святые отцы, само по себе еще не подвиг — есть или не есть одну или другую пищу. Можно хоть вериги носить, но это еще не подвиг. Подвигом же христианским является общение, жизнь в любви. И все внешние аскетические вещи важны лишь постольку, поскольку они способствуют такой жизни, и они совершенно никому не нужны, если ей не способствуют, если вызывают в нас раздражение, осуждение, превозношение и т. д.

Прости нас, Господи, за то, что мы часто не имеем и внешних аскетических подвигов, потому что о внутреннем и главном не думаем, потому что часто, однажды причислив себя к христианам, к Церкви, к Божиему народу, народу избранному, богоизбранному, мы при этом думаем, как неразумные люди в древнем Израиле, что этим обеспечено нам спасение, и богообщение, и похвала свыше.

Нам не следовало бы повторять ошибок прошлых веков, нам не следовало бы повторять и своих ошибок. Нам следовало бы делать выводы из всего того, что Господь нам открывает. Но мы так редко это делаем! Прости нас, Господи.

Действительно, любовь — это крест, а крест — это любовь, любовь в этом мире, к которому так хорошо подходят слова Господа о том, что если Его гнали и вас будут гнать, если Его слушали и вас будут слушать. Мы часто не принимаем ни того, ни другого, потому что и слушать нечего, и принимать нечего, и гнать не за что. Гонят за что-то, когда вдруг кто-то оказывается не совсем таким как все, когда кто-то хочет быть к Богу ближе, чем это принято в общей массе людей. Вот за это гонят, за это действительно могут и убить. И крест обретает тогда вполне конкретные свои голгофские черты. Мы же часто не всерьез принимаем крест, мы носим на себе крест, но как не однажды уже было замечено, он часто стал для нас слишком красивым, почти украшением, мы слишком эстетически стали подходить к своей церковной жизни, слишком символически, слишком номинально. За этим легко спрятать нашу расслабленность, нашу раздвоенность, леность, наше недерзновение, нашу запрограммированность, механистичность нашей жизни. Прости нас, Господи.

Поэтому что же удивляться, когда в нас поселяются уныние, или зависть, или сребролюбие, или гордыня, когда в нас поселяются духи нечистые?

Прости нас, Господи, за то, что мы, встретившись с Тобой, стоим на грани потери Тебя, встретившись с ближними, теряем их из сердца и из поля своего зрения и все время оправдываемся, оправдываемся, оправдываемся, хотя оправдания здесь быть не может.

Прости нас, Господи, за эту поверхностность нашей церковной жизни, за то, что мы наполняем нашу церковную жизнь суевериями, ложным пафосом, ложным смирением, ложной добротой, ложным общением, ложным познанием.

Прости нас, Господи, за то, что не умеем быть верными Тебе и нашим ближним, верными любви. За то, что если желаем чего-то, то никак не более того, что было дано в Ветхом Завете: жить под Законом, жить по плоти, пусть и ограничивая себя при этом в чем-то, в том, чего закон не разрешает.

Прости нас, Господи, за все наши грехи, вольные и невольные, за то, что не умеем каяться и исправляться, за то, что не умеем полагаться на Бога, жить надеждой, в надежде. Мы забываем о том, что наша вера — это живая сила жизни, которая и дает возможность обитать в нас любви. Мы боимся жить верой, нам кажется, что это зыбкая почва для нас, слишком зыбкая в наш рационалистический и механизированный, технологический век. А мы хотим во всем, даже и в церкви, и в духовной жизни, иметь технологии, те технологии, которые съели сейчас и искусство, и культуру, и науку. Мы как будто хотим, чтобы то же самое произошло сейчас и в церкви. Прости нас, Господи!

Прости нас, Господи, за то, что мы часто бываем подобны «детям умом», но не проявляем той евангельской детскости, которая нужна нам в нашей жизни, когда нужно доверие, когда нужно быстро забывать о грехах ближних, о зле, господствующем вокруг нас.

Будем молиться, просить у Бога прощения, будем стараться жить встречей и общением, жить истинно, а не показным образом. Будем стремиться не оправдывать себя ни в чем, будем стремиться быть послушными Богу, быть гибкими в руках Божиих, быть готовыми пойти за Ним, куда бы Он ни пошел, чего бы Он от нас ни потребовал, даже если это потребует радикального изменения наших планов в жизни, даже если для этого надо будет или промолчать, там где хочется говорить, или, наоборот, говорить, там где очень хочется промолчать, особенно пред лицом сильных мира сего, пред лицом людей, которые носят власть земную, а не Божескую, т. е. не знают власти Любви и Свободы, но думают, что они могут других научить тому и другому.

Будем просить у Бога прощения, исправления, изменения нашей жизни в соответствии с той силой и полнотой откровения, которая дана каждому. Каждый пусть делает то, что открывает ему Бог, к чему призывает его Бог.

Наклоните свои главы, помолимся Господу!

Слово на литургии после чтения Апостола (Евр 7: 7-17)

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа! Братья и сестры, христиане! Мы сейчас слышали довольно сложное место из Послания к евреям святого апостола Павла, или одного из его учеников, о том, что Христос — Священник. Но Священник по иному чину, не по тому, о котором говорил Моисей относительно Ааронова священства, а по чину как бы Мелхиседекову, ибо есть такое повествование в книге Бытие о царе Мелхиседеке, который вышел навстречу Аврааму, и Авраам дал ему десятину, тем самым как бы поставив его выше себя. И вот, дорогие братья и сестры, такой Священник, Священник, восставший по чину Мелхиседекову, является для нас единственным Священником. Это Священник, Который не имеет нужды приносить жертву за Свои грехи, Который однажды уже принес в жертву Самого Себя, пролив Кровь Свою на Кресте.

И вот этот Священник — единственный Священник Нового Завета, дорогие братья и сестры, и мы должны всегда помнить то, что нет иного священства в Новом Завете. Мы можем больше

или меньше приобщаться к священству Христа, в зависимости от даров Святого Духа, в зависимости от наших служений в Церкви, но другого Священника нет. В собственном и точном смысле слова у нас в Церкви есть Священник, один на всех и навсегда, причастный Жизни вечной, о Котором засвидетельствовано, что Он жив.

Удивительно протекала христианская история, дорогие братья и сестры, как будто христианство постоянно хотело соперничать с Ветхим Заветом, как будто ему нужно было в церкви установить левитское священство, о чем и в церкви шли бесконечные споры, которые, конечно же, показывали лишь слабость христианской веры, невозможность чувствовать Христа как своего единственного Священника, единственного Посредника между Богом и человеком, как говорит нам Писание.

Да, в Священном писании есть еще два-три места, где говорится о том, что Христос Сам соделал Свой народ, всех членов Своей Церкви царями и священниками. Но это упоминание очень скромно и находится в прямой эсхатологической перспективе. Не случайно из трех упоминаний два — в Апокалипсисе и одно — в Первом послании апостола Петра.

И все же, дорогие братья и сестры, один у нас Священник, а если мы и соделаны священниками и царями, то только для того, чтобы приносить Богу бескровные жертвы, благодаря Его за спасение во Христе, за крестную голгофскую жертву Сына Божиего и Сына Человеческого. И нам нужно знать: мы действительно христиане только тогда, когда мы священники, приносящие жертвы. И если мы этого не делаем, то мы и не цари, и не священники, и вовсе не члены народа Божиего.

В силу столь мощного влияния Ветхого Завета на Новый, которое проявилось очень рано в христианской истории, в силу именно этого влияния предстоятели церковных общин тоже стали осознаваться как священники, хотя древняя Церковь многие века избегала таких слов. Епископ не назывался иерархом или архиереем. Те, кого мы сейчас называем священниками, так тоже не назывались. И до сих пор мы считаем такое название лишь простонародным, потому что подлинное каноническое именование — «пресвитер», «старейшина» церковной общины. И та трехчинная иерархия, которую мы так бережем, укрепляем, ради которой приносим такие неизмеримые жертвы, эта иерархия была в церкви осознана как священная иерархия тоже не сразу, а лишь когда стали ослабевать в церкви узы Христовой Любви.

Но, дорогие братья и сестры, нам, видимо, надо было испытать то, что испытали христианские церкви в XX веке, чтобы восхотеть изнутри себя восстановления изначального понятия о священстве, так чтобы снова в церкви без всякого прекословия меньшее благословлялось большим. Мы снова находимся на пороге осознания необходимости нового смирения, в первую очередь для священнослужителей, и тому пример нам — Христос. И всякая попытка священнического превозношения есть возврат, возврат, в лучшем случае, к временам ветхозаветным, или к временам в нашей христианской истории, о которых нам сейчас и вспомнить тяжело, или ко временам языческим.

Даже символ иератической власти христианской церкви — папа Римский, и тот лишний раз сейчас не скажет о себе как о «епископе епископов» и не назовет себя «понтифекс максимус», т. е. верховный священник — жрец, но чаще, чем прежде, назовет себя «рабом рабов Божиих» и «служителем вселенской Церкви».

Нам следовало бы, дорогие братья и сестры, в этот день, когда читается столь замечательное место из Послания к евреям о перемене священства с переменной Закона, вспомнить об этом в духе покаяния, в духе смирения, в духе восстановления новозаветной истины в церкви Христовой. Мы так к этому не готовы, и часто бывает даже так, что священнослужители,

наученные горьким опытом новейшей истории, бывают уже почти готовы к восприятию новозаветной истины в ее первоначальной полноте и красоте, а народ этому препятствует, народ этого не хочет, ибо ему нужны свои божки, ему нужна власть над ним, и твердая рука, и железный посох. Это наблюдать приходилось не однажды и в нашей стране, и в наше время, дорогие братья и сестры.

И поэтому сейчас мы снова стали свидетелями того взрыва языческого отношения к священству, которое культивируется и насаждается и справа, и слева, и снизу, и сверху. Мы снова готовы потерять те дары, которые Господь нам дал в наш страшный век, мы готовы их забыть, с одной стороны, говоря постоянно о новомучениках и их прославлении, а с другой стороны — не будучи им последователями ни в чем.

Да убережет нас Господь от этого греха — и народ Божий, который должен быть в Новом Завете приобщен к священству значительно больше церковной иерархии, и всю нашу иерархию, если она хочет иметь в Церкви перспективу, если она хочет иметь оправдание свыше, с Небес, а не от истории, от культуры и здравого смысла, и в Его Царстве нам снова нужно последовать за Ним, хотя и знаем, что путь Христов есть путь узкий и врата Царства — врата тесные. Но не пройдя своей Голгофы, мы не можем стать свидетелями Воскресения, мы не можем исполнить своего призвания в Церкви. Нам следовало бы снова и снова объединиться, как братьям и сестрам, в одном братстве — в Церкви, в полноте общения со Христом, в полноте последования апостольскому и Священному Преданию, в полноте восприятия церковного и Священного Писания.

Будем же, братья и сестры, исповедовать свою веру крепко, твердо, с духовным дерзновением и с тем смирением, без которого мы теряем в Церкви все.

Пусть же, дорогие братья и сестры, Христос, благословляющий Свой народ, подаст и нам Свою небесную помощь и благословение и восстановит в нас то, что утрачено, то, чего в истории мы часто оказывались недостойны: того царства и священства, которое мы постоянно подменяли суррогатами, ибо постоянно были не на высоте своего призвания.

Будем, братья и сестры, просить у Бога прощения и знать, что мы все друг пред другом виноваты, потому что свое высокое служение оставили, потому что не захотели брать на себя того креста, который Бог давал и дает нам.

Пусть же, дорогие братья и сестры, такие замечательные дни, как день Сретения Господня, напомнят нам о нашем кресте, о том, что мы тоже — «знамение пререкаемое», и пусть нас это не смущает, пусть это нас не тяготит, но обновляет и освобождает для Жизни вечной в ее полноте и совершенстве.

Аминь.

Слово на литургии после чтения Евангелия (Лк 2: 22-40)

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа! Братья и сестры, христиане!

Великая радость Сретения Богомладенца Христа в Иерусалимском храме была омрачена, но омрачена не тем, что праведному Симеону нужно было покинуть пределы этой жизни, пределы земли, ведь этому праведный Симеон скорее возрадовался, потому что он исполнил свое предназначение на земле. Он не жалел о том, что его жизнь должна была вот-вот прерваться. Он не был похож на тех человекообразных, но более животноеобразных существ, которые во что бы то ни стало хватаются за свою земную жизнь, платя за это любую цену. Он не был похож на

них, он знал благодать Божию и смысл земного существования человека, ибо он имел в себе духа пророческого.

И все же, дорогие братья и сестры, радость Сретения была омрачена, потому что встреча Христа в Иерусалимском храме была встречей Того, Кто лежал в нем «на падение и восстание многих во Израиле, и в знамение пререкаемое», потому что уже здесь стало ясно, что восстанут люди друг на друга, и будут противоречить друг другу, и разделятся даже в своих семьях: родители против детей, дети против родителей, братья против сестер и т. д., о чем так ярко говорит нам Евангелие. Стало ясно, что Христос — камень преткновения, камень краеугольный, но многими отвергаемый. Увидеть эту истину внутри народа Божиего было страшно. Но это следовало сделать, потому что это соответствовало, как и ныне соответствует, правде Божией. Во Христе «открываются помышления многих сердец». Омрачено Сретение было и тем, что было сказано слово о мече, который должен пройти само сердце Девы Марии, Богородицы. Это предвещало великое страдание, апофеоз которого выпал на Голгофу.

Да, дорогие братья и сестры, Христос и ныне есть камень преткновения. И ныне Он «лежит на падение и восстание многих» уже в новом, но все еще столь земном Израиле — в церкви Христовой. Он и ныне знамение, знамение Небесного Царства, но знамение пререкаемое.

Как нам с вами этого не знать! Как нам этого не помнить, дорогие братья и сестры! И не только тогда, когда мы возвращаемся мысленно назад, хотя бы на три года. Но те из вас, кто помнит то Сретение, отмеченное тяжким компромиссом иератической власти, приведшим к интеркоммуниону в Сретенском монастыре и разрушению евхаристической общины, и насильственной смертью, те знают, о чем идет речь.

Но знамение пререкаемое — это и Христос в нас, ибо и мы пререкаемся со Христом в сердце своем, и мы ищем выгоды для себя, и мы часто — лишь стражи земных интересов пред лицом Божиим, и мы часто боимся откровения своих помышлений, и мы часто боимся меча — который готов войти в душу того, кто отдает себя до конца Христу на Голгофе.

По милости Божией в нашем храме есть многие люди, принадлежащие к братству Сретения Господня, и если они сами по себе не лучше других, то они хотя бы помнят о том, кем им должно быть, они хотя бы помнят о том, что произошло в Иерусалиме, в этом великом храме Ветхого Завета на сороковой день от Рождества Христова. Они помнят и о перемене священства, столь дерзновенно возвещенной Новым Заветом. Они помнят и о том Царстве, которого должны быть достойны, которое — «не пища и не питье, но правда, и мир, и радость в Духе Святом».

Будем же свою духовную память, возводя к Богу, совершенствовать и приводить в действие, чтобы служение всех, кто имеет общение в этом братстве, так же как и всех вас, дорогие братья и сестры, было достойным своего призвания.

Будем помнить о пророчествах, прозвучавших в день Сретения в Иерусалиме, помнить и Симеона, и Анну. Я рад тому, что в нашем храме есть семья, в которой на попечении есть несколько детей, и среди них двое, уже не маленьких, одного из которых зовут Симеон, а другую — Анна. Я рад этому, потому что, наблюдая за их возрастаньем, я смею надеяться, что вместе с ними также как бы невидимо, но реально, растем во Христе и мы, растем, чтобы служить Ему в духе Нового Завета, поклоняясь Богу в духе и истине, зная, что только таких поклонников ищет Себе Бог.

Аминь.

Протоиерей Всеволод Шпиллер: Мой путь к Богу и в Церковь

Свидетельства

К. Д.

Я рос в семье, можно сказать, неверующей. Отец крестился в детстве, но церковным человеком не был. Мама и до настоящего времени некрещеная. В церковь ходила бабушка, мать отца. Об этом я узнавал из разговоров родителей, так как бабушка приезжала к нам очень редко.

В возрасте 7-8 лет мне казалось, что церковь и ее традиции (разного рода пожертвования, пасхальные яйца и т. п.) — это что-то странное и отжившее. И к бабушке я относился снисходительно. Но нам с братом нравилось к Пасхе красить яйца, только было непонятно, зачем это нужно. А на пасхальной неделе мы ездили в гости к бабушке...

От отца я иногда слышал выражения: «побойся Бога», «не гневи Бога», и я воспринимал это как наиболее веский аргумент.

Впервые я попал в церковь, когда учился в 10 классе. Мы с мамой были на экскурсии в селе Вороново, где проходила выставка картин художника Васильева. До отправления нашего автобуса оставалось время, мы зашли в сельский храм и услышали проповедь. Проповедь была для меня понятна, но мое сознание раздваивалось: с одной стороны, коммунистический атеизм и «религия — опиум для народа», а с другой, проповедь священника — доступная и искренняя. Из разговора взрослых о христианской и коммунистической морали, возникшего после проповеди, я понял, что эти два понятия близки, но в чем заключалась разница — мне было неясно. И еще я понял, что первично все-таки христианство.

В студенческие годы я узнал о крестном ходе на Пасху, но у меня не возникало желания идти туда, толпиться, если можно сходить с друзьями на дискотеку.

Существенный шаг на пути к Богу был сделан благодаря моей работе со скаутами. Одно из главных служений у скаутов — служение Богу. Служение Богу через служение и помощь ближнему — это мне было понятно, но Бог в моем представлении оставался чем-то неведомым.

Первая учеба с американскими скаутами (в прошлом эмигрантами из России) проходила в Александро-Невской лавре. Как принято у скаутов, ежедневно совершалась утренняя и вечерняя молитва. Но более близкого общения, встреч или бесед ни с семинаристами, ни со священнослужителями не было. Я испытывал некоторую обиду и стыд: американцы знают молитвы, поют в храме, им известно, где нужна помощь по восстановлению церквей. Я этого не знал...

Как-то мне пришлось заниматься подбором вожатых для пионерского лагеря, в это же время удалось познакомиться с о. Арсением, служителем красносельского храма. Он вел цикл лекций для студентов и преподавателей педучилища. В одной из наших бесед о. Арсений весело и понятно ответил на мои вопросы по поводу работы со скаутами и дал благословение на эту работу.

Два месяца я работал в пионерском лагере старшим вожатым и вел занятия по скаутским методикам. Это вызывало большой интерес со стороны детей и много вопросов со стороны

взрослых. Мне нравилась система скаутинга своей целостностью и многогранностью. Я сам обучался вместе с детьми, включая в эту работу и других взрослых.

Однажды мне предложили поехать в большой скаутский лагерь в Оптиной пустыни. Там я ближе познакомился с преподавателями лицея «Ключ», которые в лагере проводили занятия с детьми, связанные с основами христианской жизни, изучали жития святых. Несколько бесед для скаутов провел и о. Феофил, монах Оптинского монастыря.

Прямо на берегу «озера Любви», где располагался лагерь, мне впервые удалось увидеть обряд крещения. Взрослых и детей-скаутов крестил настоятель Оптинского монастыря.

Позже мне предложили работу в лицее «Ключ», весь учебный цикл которого опирался на основные христианские праздники — Рождество, Пасха, Троица.

Один из наиболее интересных летних выездов лицея был в деревню Васильково. Огромную помощь в организации и проведении выезда оказал о. Анатолий, служитель васильковского храма. Он вел школу иконописи и восстанавливал храм и другие постройки на территории храма. По делам о. Анатолий всегда ездил на мотоцикле, чем произвел сильное впечатление на лицеистов. Вместе с детьми мы копали грядки и делали клумбы, красили скамейки и забор вокруг храма. О. Анатолий и его ученицы-послушницы уделяли нам очень много времени, рассказывая о храме, об иконах, о великомучениках, беседуя о Серафиме Саровском, а также знакомили нас с основами иконописи. Мы поднимались на колокольню, ходили смотреть, как готовят просфоры и т. д. Это было очень живое и тесное общение. А как прекрасно о. Анатолий и послушницы пели! В деревне нас называли «Божьим лицеем».

С помощью о. Анатолия мы смогли поехать в село Красное, где восстанавливался храм Николая Чудотворца. Это необыкновенно красивое место — на высоком берегу реки. А несколько дней мы жили в монастыре Ниловой пустыни. На лодках плавали вокруг этого замечательного острова, помогали убирать территорию монастыря от камней и т. д.

Перед отъездом из Василькова о. Анатолий и его ученицы показали нам кукольный спектакль «Вертеп». Взрослые и дети были в восторге.

Я знал, что преподаватели лицея проходили оглашение, и даже дважды был на открытых встречах, но потребности в оглашении не чувствовал. Для меня достаточно было духовной жизни лицея. Я читал Евангелия, естественно, не все понимал, но и не обращался за разъяснениями.

Однажды, провожая лицей в осенний выезд, я помогал грузить вещи в машину и разговорился с водителем. Он очень удивился, что я еще некрещен, и настоятельно рекомендовал снова прийти через неделю на открытую встречу. На этой встрече я увидел родителей лицейских детей, они убеждали меня в важности оглашения и всячески поддерживали мои усилия. В это время я уже не работал в лицее. Хотя я и старался не прерывать с ним связь, потери в духе для меня были очевидны. Слава Богу, образовавшийся вакуум по мере посещения огласительных встреч начал восполняться.

Р. В.

В семье, в которой я родилась и выросла, никогда не верили в Бога или, во всяком случае, никогда при мне об этом не говорили. Однако семья была (и есть) очень дружная — в ее основе, как мне кажется, всегда лежала любовь. Образцами духовности тогда были для меня персонажи из произведений художественной литературы, настойчиво и методично

«предлагаемые» мамой, бабушками и дедушками.

Годам к двенадцати я была типичным идеалистом-максималистом, Бог для меня означал «справедливость». Именно в это время я впервые столкнулась с еврейским вопросом (у меня мама — еврейка, папа — наполовину, но ожесточенно всем доказывал, что он — «русский!»). Иногда отец, чувствуя, что ситуация в семье ему неподвластна, в сердцах заявлял, что во всем виновата мама и вообще все евреи. К великому сожалению, в моей душе, кроме ненависти к отцу, в тот момент ничего не рождалось.

Чуть позже я узнала о существовании различных религий. У меня возникла чисто формальная картина: количество религий должно быть равно или пропорционально количеству богов (не говорю уж о Греции, о язычестве). Какое-то внутреннее чувство мне подсказывало, что это чушь... И я почему-то твердо уверовала, что Бог все равно один, а религии — лишь тропинки, которые к Нему ведут. Христианство для меня было одной из «равноправных» возможностей прийти к Богу.

В 1986 г. у меня родился сын, и я почувствовала необходимость его чем-то защитить (крещение тогда для меня носило чисто магический характер: если с крестом, то никакая беда не может приключиться). Когда ему исполнилось три года, моя подруга стала его крестной матерью. Что же касалось моего крещения, то я ощущала в то время внутреннюю неготовность к такому событию, хотя уже читала Библию и другую церковную литературу.

В последующие два года я периодически сталкивалась с верующими людьми, чаще стала посещать храм, меня все меньше «отпугивали» набожные, вечно ворчащие старушки.

В 1991 г. мы вместе с бабушкой приняли крещение. Внешних изменений после этого в моей жизни не произошло, но я испытывала необыкновенный подъем — и душевный, и интеллектуальный, и физический: мне казалось, что я теперь все могу! Но, к сожалению, это скоро закончилось — я не выдержала даже самых простых испытаний (тогда я не понимала, что то были искушения, перед которыми я могла и должна была устоять). У меня началась депрессия (с полным безразличием ко всему, с нежеланием жить, с попыткой выздороветь в стенах клиники, но, увы, без Бога!). Вышла из этого состояния с Божьей помощью спустя четыре года.

Прошлым летом моя институтская подруга (в то время проходившая оглашение) привела меня на открытые встречи. Я почувствовала, что снова (как после крещения) приоткрывается то самое «окно», о котором я уже и не мечтала. Теперь я опять ощущаю невероятный прилив сил, но уже духовных, читаю молитвы несколько раз в день (часто даже по дороге куда-нибудь, чтобы не терять время), очень стараюсь не грешить, бываю на богослужениях. Пытаюсь (по возможности) кое-что рассказывать из своего духовного опыта близким, особенно моим детям. Очень надеюсь, что мои дети сумеют прийти ко Христу гораздо быстрее меня. Во всяком случае, я молюсь об этом...

Архиепископ Албанский Анастасий (Яннулатос): Цель и мотивация миссии

Миссионерство и катехизация

Миссия является внутренней необходимостью для верных и для всей церкви. Если она отвергается, то это является не только уклонением от исполнения долга, но и самоотрицанием.

Христианин как член Тела Христова живет во Христе и не может думать, чувствовать, желать и действовать или смотреть на мир вне Христа. Для него невозможно ограничивать жизненный горизонт своим приходом, своим городом, своим народом — так называемым «христианским миром». Для него невозможно равнодушие к тем миллионам, которые все еще «отчуждены от общества Израильского, чужды заветов обетования, не имели надежды и были безбожники в мире» (Еф 2: 12). Он знает, что от одной крови Он произвел весь род человеческий» (Деян 17: 26) и «хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины» (1 Тим 2: 4). Он знает также, что, «оставляя времена неведения, Бог ныне повелевает людям всем повсюду покаяться» (Деян 17: 30). Именно смысл этого «ныне» побуждает к миссионерству. Именно это «всем и повсюду» подвигает его к тому, чтобы увидеть вселенское измерение своего долга. Этот образ мысли не имеет ничего общего с космополитическим мышлением, которое увлекает человека на поиск приключений за пределами родной земли и культуры, или с романтическим настроением, которое ведет к пренебрежению нуждами родины, кризисом «христианского народа». Пребывая в Том, Кто есть сама Реальность, миссионер всегда остается реалистом. Он знает, что поле для миссионерства есть везде. Однако он способен видеть, что нужды некоторых стран — настоятельнее, а делателей там — меньше, что есть территории, где Евангелие еще не проповедывалось. «Но как призывать Того, в Кого не уверовали? как веровать в Того, о Ком не слыхали? как слышать без проповедующего? И как проповедывать, если не будут посланы?» (Рим 10: 14-15). Эти четыре «как» зажигают его ум и сердце. Миссионер верит, что для всякого человека нет ничего драгоценнее истины, открытой Словом. Потому он чувствует, что люди, более всего страдающие в наше время, — это те, кто лишен Слова не потому, что они сами отказались его слушать, но по той простой причине, что те, кто знают его в течение веков, не заботятся о его распространении. Еще он чувствует, что его честь, справедливость, вера и любовь не могут быть подлинными, если он не пытается сделать что-то практически — по своим возможностям — в этом направлении. Подобно апостолу Павлу он чувствует, что «должен и эллинам и варварам, мудрецам и невеждам» (Рим 1: 14). Он не может взирать на Крест, на котором Господь распростер Свои руки, чтобы объять все нации и народы, как это постоянно утверждается в православных песнопениях, и в то же время ограничиваться тем, чтобы прославлять Распятого и просить Его милости, не видя всемирной цели этой жертвы и ее космического значения (см. Кол 1: 20)...

Придите, все народы;Познайте силу страшного таинства.Христос, наш Спаситель, изначальное Слово,Распят за нас и добровольно принял погребение;Воскрес из мертвых,Чтобы спасти всю вселенную.Поклонимся же Ему***.

... Участие в миссии тех, кто думает и живет богословски, — не просто дело долга, или целесообразности, или морали: оно более внутреннее, более «мистическое», оно есть экзистенциальное повеление. Будучи частью Христа и живя в духе, миссионер не может думать и жить как-то иначе.

Если эта внутренняя потребность для верующего истинна, то это тем более так для Церкви, которая не «член», но само Тело Христово, «полнота Наполняющего все во всем» (Еф 1: 23). Церковь без миссии — это противоречие в терминах. Церковь «помазана» и «послана», как и Христос (ср. Ин 17: 18), чтобы продолжить Его дело, то есть «проповедывать пленным освобождение, слепым прозрение, отпустить измученных на свободу, проповедывать лето Господне благоприятное» (Лк 4: 18-19). Более того, Церковь послана, чтобы исполнить это дело: она апостольская, потому что хранит апостольскую ревность, живую апостольскую традицию, и главным образом потому, что она послана...

Расширение горизонта миссии до вселенских масштабов прямо связано с торжеством Христа в Его Воскресении; то, что Ему «дана всякая власть на небе и на земле» (Мф 28: 18), должно

быть возведено «всем народам» (Мф 28: 19). До Воскресения, до совершения спасения, ученикам было заповедано не выходить за пределы Иудеи... Однако после Воскресения им не дозволено более ограничивать свою проповедь этими рамками, — «Идите и научите все народы»... Поэтому так ярко воспевать Воскресение и жить Воскресением, с одной стороны, и жить во днях до Воскресения, с другой, — значит впасть в абсолютное противоречие, иначе говоря, это значит замкнуть нашу деятельность и интересы рамками Израиля — даже нового Израиля по благодати, — не думая о нашем императиве возглашать победу Христову «всему творению».

Июль 1965 г.

Перевод с английского Алексея Костромина

* Блаженнейший Анастасий, архиепископ Тиранский и всей Албании, доктор богословия, профессор Афинского университета, родился 4 ноября 1929 г. в городе Пирее (Греция). Много лет был миссионером в Восточной Африке. В настоящее время является президентом комиссии «Миссия и Евангелизация» Всемирного Совета Церквей. С 1991 г. — экзарх Константинопольского Патриархата в Албании. С 1992 г. — глава Албанской автокефальной церкви, возрожденной после практического уничтожения в годы правления в Албании коммунистического режима.

** International Review of Mission. Volume LXXVI, № 302, april, 1987.

*** Воскресная стихира «на хвалитех» - прим. ред.

Давид Гзгзян: Православная миссия сегодня и завтра

Миссионерство и катехизация

размышления после конференции

Исход каждого века, а тем более тысячелетия по Рождестве Христовом, поневоле становится вехой для исторического христианства, временем особого духовного напряжения, оживления усилий дать выраженный, точный и по возможности исчерпывающий «отчет о своем уповании». Сознание необходимости подводить итоги, понять, кто же мы, претендующие на избранничество народа Божия перед лицом очередного поворота истории, заставляет внимательнее, чем обычно, взглянуться в содержание той жизни, которую мы сами ведем.

Всякий, вероятно, согласится с тем, что современным христианам, как никогда ранее, приходится искать нестандартные решения практически во всех сферах церковной жизни, причем даже там, где все, кажется, давным-давно устоялось и не подлежит пересмотру. Так, вряд ли ожидался «литургический штурм», произведенный к слову во многом благодаря усилиям русских богословов, острее, в силу специфических обстоятельств, почувствовавших насущность прорыва к первичным смыслам богослужения, в особенности евхаристического.

На глазах меняющееся лицо мира, в котором Церковь живет, требует сегодня особенного и постоянного внимания, чтобы бурный водоворот событий не поглотил никогда не теряющие значимости «последние» вопросы бытия и с ними самого человека, для которого они только и

могут иметь значение. Но Церковь должна всегда иметь их в центре и своей внутренней жизни, так как именно в наше беспокойное время очень легко дать привычке заслонить исторически отшлифованными формами самую жизнь. Тогда воздушные, но неудаимые покровы экзистенциальной тайны незаметно превращаются в отпугивающую непроницаемую завесу, и то, что совершилось «за жизнь мира», может скрыться от глаз современника, кажется, особенно мучительно тоскующего по первоначальной чистоте и ясности.

Потребительство и технологизм — два кита уходящего века, в особенности второй его половины, откровенно противостоящие и даже враждебные духу служения и творчества, — делают мир агрессивно индифферентным к подвигу Христову, к возрастанию образа Божия в Его подобие, т. е. к подлинным ценностям человечества.

Равнодушие вкупе с теплохладностью — вот две гримасы, жестоко уродующие лицо мира; отчаяние и тоска — их оборотные стороны. Церковь сегодня несет историческую ответственность перед Богом и миром за то, что именно она остается единственным действенным средством открыть и сохранить человеку надежду на то, что эти гримасы могут выправиться, а мировая скорбь преодолима, невзирая на ее вселенский масштаб и изощренно эстетизированную, но дьявольскую привлекательность.

В нынешнем мире, уже даже перешедшем от апатии к новым, хотя часто и ненасильственным, гонениям на Живую Истину, необходимо вновь открывать Христово Евангелие, возобновлять и утверждать миссию Церкви Господней.

И здесь, однако, очевидна специфика времени. Миссия как внешне новое событие, как возвешение еще неведомого уже как бы состоялась. Парадокс же состоит в том, что мир почти не знает Христа. Поэтому сегодня главной миссионерской задачей, очевидно, следовало бы считать воспоминание и реанимацию живого опыта Церкви, особенно ее общин, объединенных духом Воскресения Христова, жизни преизбыточествующей.

То, что для миссии свободного географического пространства уже не остается — факт неоспоримый, ведь когда-нибудь какие-нибудь миссионеры появлялись практически всюду. Но, как известно, даже от самых удачных миссионерских опытов остались сегодня едва различимые следы. Так, ныне практически незаметно некогда выдающееся влияние святителя Стефана Пермского среди современных зырян: мало что напоминает и на Алтае, пожалуй, о самой замечательной странице русского миссионерства, вписанной в его историю архимандритом Макарием (Глухаревым) и его самоотверженными последователями.

Это нерадостное наблюдение ведет нас к тому, чтобы признать глубокую правильность тезиса из доклада Александра Кырлежева: «Миссионерская территория сегодня — это души людей». Стоит только прерваться в самой экзистенциальной сердцевине человека вопрошанию о смысле бытия, а значит, и о личном пути творческого преодоления будничности мира сего, как сама жизнь в первооснове своей начинает ускользать, взывающий к Небесам голос «окультуривается» и гасится в пустоте повседневной, суетной, хотя и христианской по виду, хлопотливости.

Дух, движущий современным миром, говорит еще и о цейтноте, в котором находятся нынешние христиане. У нас нет больше времени готовиться, давно пора оживать, возвращаться к жизни сегодня, чтобы жизнь реально вошла в права высшей ценности завтра.

В благополучном мире человек по странной закономерности все чаще ловит себя на том, что покой — главное, казалось бы, завоевание цивилизации — утрачивается. За ним приходится гоняться, чтобы в итоге обрести двойника — временную отрешенность, часто соседствующую с

бессилием. Мир не может долго оставаться таким, каков он есть сейчас, — значит, грядут перемены, новые парадигмы существования. Какими они будут и какой ценой дастся новое планетарное лицо — могут ли эти вопросы не тревожить тех, кто должен «идти и научить все народы...»?

Строго говоря, у христиан нет даже выбора — слишком ясны в своей простой сути современные реалии, слишком многое уже сказано и понято человечеством за время их стремительного становления.

Христианство — путь жизни, противостоящий пути смерти. Это фундаментальное откровение должно обрести созвучие современности, интонацию, способную всколыхнуть индифферентного внешне к Истине и сокровенным смыслам современника.

Впрочем, есть формальная альтернатива. Можно предпочесть самоизоляцию в хорошо для этого оборудованном и тщательно охраняемом заповеднике правильного жительствова. Если счесть подобную перспективу желательной, то тогда логично было бы стремиться лишь к тому, чтобы никакое постороннее веяние не колебало бы его устоявшейся мнимой гармонии, а заведись в нем какая болезнь, то изводить ее надо немедленно и вместе с носителем, иначе ничего нельзя гарантировать. Если ищущий смысла и правды и добредет до такого заказчика, ему в лучшем случае посоветуют: «Делай, как благословят, и будешь спасен».

Тут стиль жизни — круговая оборона, образ мысли — поиск внешней угрозы, общее настроение — настороженность и подозрительность. Возможно, кому-то и показано временно прожить с ощущением близкой опасности, но странно было бы видеть в жизни осажденной крепости исполнение сокровенных чаяний.

Нельзя, правда, не иметь в виду, что слишком велик соблазн поддаться этому внешне очень простому разрешению всяческих трудностей. Мир надежно раздваивается на свое и чужое, а там — и своих и чужих, и подкупающе ясно различается место, где должна пролегать великая стена. Для самоуспокоения разве что стоит рекрутировать за ограду побольше единомысленно правых и, значит, счастливых? Любопытно, что и псевдомиссия, и антимиссия в первую очередь связаны с вербовкой — то ли пасомых, то ли функционеров, а то и вовсе... боевиков.

Христианство же прозрачно и потому открыто всякому. Оно не предписывает первостепенной необходимости осваивать определенный стиль поведения, а наоборот, дает возможность всякому, проникнувшему тем, что Христос есть Путь, Истина и Жизнь, обрета начаток жизни вечной, самому искать свой стиль, личный образ следования за Учителем.

Учение Христово способно собрать воедино множество исторических и психологических слоев и форм своего осуществления, оно не терпит только одного — глухоты одного уровня к другому, десятого века к первому, ума к воле, плоти к духу, образа к смыслу, оно исключает барьеры и заслонки внутри себя, признавая только один вид преград — те, что заграждают дорогу злу.

Христос не жил за других, Он умер за всех на Кресте и воскрес ради того, чтобы отныне всякое подлинно живое усилие не пропадало, всякое проявление духа созидания не проходило незамеченным: «кто не собирает со Мною, тот расточает». Сегодня это собрание могло бы и должно было бы означать выход Церкви за собственную ограду. Ее призвание ныне не столько в том, чтобы вобрать в органику своего бытия человека, вошедшего в храм, сколько в том, чтобы самой дойти до каждого жаждущего и привести его к Живоносному Источнику. Для этого требуется умение убеждать в том, что длительный и непростой по рельефу путь пройти необходимо, что иной возможности обрести подлинное основание собственного бытия не существует, а главное, что Церковь, если заглянуть за ее культурно-исторический фасад, — это

все то же зеленеющее дерево, питаемое водой из того же колодезя, к которому она зовет утомленных блужданиями путников. Она, Церковь, — «мир как красота», и именно этой красоты многие сейчас ищут, часто вовсе не подозревая, что ее неисчерпаемые запасы совсем рядом. Как выразился современный православный богослов, «молодежь ищет сейчас общения со стихиями: море, горы,... потому что они хотят быть живыми. И мы должны выражать христианство именно как жизнь, которая меняет смысл смерти».

Христиане могут помочь технологически живущему миру взглянуть в его собственные первоосновы, в том числе и для того, чтобы суметь найти подходящее место всякому техническому новшеству. Являя миру свою действительную собранность во Христе, христиане могут вернуть и искусству, и науке надежду увидеть свет, который скрылся из виду, кажется, навсегда, — они отнюдь не приговорены лишь констатировать невозможность обрести в себе полноту.

Но что все это могло бы означать в плоскости практической для миссии Церкви? Думается, что прежде всего должен быть изменен образ жизнедеятельности и сам облик основной структурной единицы — церковного прихода. Из традиционного, в котором люди могут годами и десятилетиями не знать имен друг друга и даже не интересоваться ими, он должен был бы постепенно превращаться в место встречи обретших и ищущих Истину сознательных его членов, где преодолевается одиночество и торжествует дух общения в любви. Приход должен стать «окном» Церкви в мир, а это означало бы, что он становится местом христианского собрания, которое готово присоединить к своему общению всякого, кто этого всерьез пожелает.

То, что здесь говорится о перспективах переустройства церковно-приходской жизни, представляет собой выдержки из опубликованного в 36-м номере журнала «Православная община» доклада его главного редактора священника Георгия Кочеткова, прочитанного на международной конференции. Кажется, что реализация таких предложений могла бы стать средством пусть не безболезненного, но необходимого перехода к новому образу жизни прихода. Приход, готовый к миссионерской деятельности, зиждется на духе общения. Он может быть явлен в приходе, но не за счет прихода как такового.

Здесь уместно привести замечание автора другого доклада, опубликованного в том же номере журнала, архимандрита Виктора (Мамонтова): «Приход не может заменить общину». Дух общения дышит в собирательном, жертвенном движении христиан друг к другу, а оно возможно только при условии их постоянных усилий. Надо долго и упорно учиться быть вместе, обретать не рабскую, а творческую зависимость друг от друга, утверждая своей любовью действительную ценность и уникальность каждого чада Божия.

Такая атмосфера может стать реальной силой, преобразующей традиционный приход в живое, открытое к миссии учреждение. Идеальной в так понятом соотношении приход-община видится ситуация, когда одна или несколько небольших общин составляют приход. Община как сообщество христиан, стремящихся быть вместе «в радости и простоте сердца», всегда была и образом жизни самой Церкви, пристанью для всякого странствовавшего в поисках живой Истины. Церковь, возвещающая победу Христову, открыта внутри себя и одновременно являет эту свою открытость миру. И если ее жизнь — возвещение, то это прямо предполагает миссию Церкви в мире, еще не знающем Бога и потому не знающем и духа жертвенного и радостного общения.

В свою очередь отсутствие миссии говорило бы об угасании духа общения и в самой Церкви, т. е. об очень серьезном нестроении в ней. Показателен в этом отношении эмоциональный комментарий епископа Белгородского и Старооскольского Иоанна на отказ некоторых архиереев прислать своих миссионеров на их первый после революции съезд со ссылкой на

отсутствие таковых: «Значит, в этой епархии нет архиерея, клириков и мирян».

Мы нередко являемся свидетелями боязни соприкоснуться с любой иной религиозной традицией или духовной практикой, стремлением к самоизоляции и даже склонностью к ксенофобии. Словно забыты апостольские слова — «боящийся несовершен в любви». А может, кто-то рассудил так, что можно быть православным, не будучи учеником Христовым. Что ж, тогда тщетно напоминать им слова Господни: «Идите, научите все народы...», только еще святитель Иннокентий Московский предостерегал, рассуждая в духе апостола Павла: «Горе тому, кто призван и поставлен благовествовать — и не благовествует».

В самом деле, не делясь тем, что получил в дар от Господа, не умножая таланта, на что можно рассчитывать, кроме озлобления и окаменения собственного сердца, которое заставит его обладателя ощетиливаться при виде всякого незнакомца, якобы оберегая то, что уже давным-давно и так по-существу отнято за ненужностью?

Напротив, дух подлинной миссии — «миссионерская приветливость», о которой вдохновенно говорил прп. Макарий Алтайский, позволяет благоговейно ценить завещание Христово, так как главное желание настоящего миссионера в том, чтобы оно действительно стало достоянием «всех народов». В его сердце поэтому нет места страху при встрече с самым экзотическим и маловдохновляющим религиозным движением, потому что для него, невзирая на неблагоприятные свои особенности, это будет встреча с человеком, «жаждущим испить чистой воды».

«В современном мире, — сказал в заключение своего доклада на упоминавшейся выше конференции протоиерей Димитрий Григорьев, настоятель Никольского кафедрального собора в Вашингтоне (США), — стирается грань между исконно верующими людьми и новоприходящими, между традиционными христианскими землями и новыми территориями. Христиане теперь всюду окружены людьми, совершенно оторванными от церковных традиций. Поэтому опыт миссии полезен всюду». Добавим разве только то, что миссия, несомненно, становится и важнейшей духовной потребностью современных христиан. Надо, чтобы торжествовала любовь, ибо «совершенная любовь изгоняет страх». «Бог есть Любовь», и если «Бог с нами, кто против нас?»

* Международная научно-богословская конференция «Миссия Церкви и современное православное миссионерство» была проведена по благословию Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II Свято-Филаретовской высшей православно-христианской школой 9 – 11 октября 1996 г. в Москве.

Митрополит Германский Серафим (Ляде): Основы христианской жизни

Богословие и философия

Существуют, по-видимому, люди, которые думают, что христианство, и особенно православие, находится в разрыве с современностью и что евангельское слово непонятно сегодняшнему миру. Мы же полагаем обратное: что святоапостольская и святоотеческая традиция — самая актуальная и самая приемлемая для человека нашего времени, как, впрочем, и во все времена. «Душа — по природе христианка», — говорил Тертуллиан, а один современный духовный человек добавляет: «Православие — в человеческом естестве».

Дух Святой — залог вечной молодости христианства, и не только его, но, более того, Христа и Его Церкви. Нам понятно, что это сказано смело, но дерзновение оправдано огненной сущностью апостольской и святоотеческой Церкви, прежде всего Воскресением как субстанциональной основой христианской жизни, а также жизнью человека и космоса, невольно для них самих.

Именно Воскресение актуализирует христианскую веру. Тот, Кто воскрес, Он и только Он, сострадает сегодняшнему человеку, не по своей воле ввергнутому в ад, во тьму неведения Бога, в рабство страстей, поражающих его смертоносным ядом. Отъединенность Церкви от мира — еще не признак ее разрыва с ним или неадекватности ему. Это не симптом слабости Церкви, а ее нормальное состояние, так как христиане, будучи в мире, сами — не от мира сего. Церковь смиренно и сострадательно живет «в мире», в мирском аду, «не отчаиваясь», по словам Силуана Афонского, посреди тьмы держа в руках пылающий светильник веры. Любовь должна пребывать в аду. Именно там и оттуда силою Воскресения свет ее разгорается ярче.

Не думая никого поучать, я бы хотел показать, как это происходит. Пусть это будет проявлением моей пастырской заботы. Мне хочется заявить, что православная вера способна понять несомненно адский эксперимент, производимый современным человеком. Она способна не умолкая свидетельствовать о вечной новизне Боговоплощения. Она, наконец, способна, примирившись с антиномией Креста, ответить на самые мучительные парадоксы человеческой судьбы.

I. Невыносимое откровение: ад.

Слова о том, что XX в. повсюду на нашей планете знаменит необычайно быстрой циркуляцией информационного материала, могут показаться банальными. Не буду говорить о том, что наш век более жестокий, варварский, бесчеловечный, чем все предыдущие. Но в наше время всем все известно. Еще недавно люди жили в нескольких километрах от лагеря смерти и могли не знать об этом. Теперь же все гнусности становятся известны почти тотчас после их совершения. Поэтому христианское сознание одолевает вопрос: кто делает грех явным? Бог или сатана? И еще: глубоко ли мы понимаем свои грехи? Все ли мы знаем о зле?

А. Совершенно иную роль стали играть технические информационные средства. Наше время — время радио, телевидения, телефона, воздушных и пространственных сообщений — славится такими информационными средствами, которые даже у семейного очага кричат о том, о чем раньше предпочитали молчать. Наша эпоха в определенном смысле правдива, даже если это — сигналы феноменологии зла. Действительно, зло, не имея сущности, может восприниматься только как феномен — в видимых проявлениях, симптомах: в моральных или физических страданиях, а еще чаще — в потере чувства и смысла.

а) Сегодня часто можно услышать, что мир стал деревней. И в этой «деревне» всё или почти всё все друг про друга знают. Деревенька Земля уже не прячет умножающиеся в ней пороки, промахи, заблуждения, болезни. Часто она ничего и не хочет прятать и без стыда обнажает свои пороки, окрестив их добродетелями.

Зло обычно познается в силе, в мишурном победном блеске. Кто не знаком с тем, как бесконечно дробятся и распадаются на атомы религиозные сообщества, как прилипчив сектантский дух и как дьявольски логична схизма даже в самой святой Христовой церкви? Можно ли не знать о религиозном интегриме в его многообразии, который не затронул разве что ислам?

То, что, притаившись, жило рядом, чего не знало старшее поколение, теперь открылось. Не

хочу преувеличивать, но подобало бы вспомнить слова нашего Господа Иисуса Христа, Того, Кто учил нас истории: «Нет ничего сокровенного, что не открылось бы, и тайного, чего не узнали бы» (Лк 12: 2). «Гул истории нарастает», — писал Василий Розанов в Апокалипсисе нашего времени. Зло, таившееся тихо и скромно, теперь признано, разглашено и шумно оправдано на экранах 2000-го года. Скоро, вслед за демонстрацией безбожных людских слов и дел, будут разглашены и их мысли. И мы услышим их адский ропот.

б) Откровение это является открытием «мертвого мира». «Мертвые души», те самые, о которых писал Гоголь, совершали зверства в своих Гулагах, построенных там и здесь. Они же стали и коммерсантами порнографии в Интернете, используя в этих целях детей. Ежегодно во многих странах миллионами убиваются человеческие эмбрионы. Испытывает невыносимые страдания семья, обездоленная изменами и эпидемией разводов. Для того, чтобы отворить дверь в Европейское Сообщество странам Востока, Совет стран Европы предлагает им легализовать гомосексуализм, который стал в наше время символом любви к себе.

Грех умножается, а любовь, кажется, все остывает и остывает. Все реже молятся люди. Мы же, епископы и священники, живем небрежно, ни тепло, ни холодно, часто угашаем миссионерский дух и прячем свое преподобие под гражданским платьем. А крещеные, искушаемые греховностью пастырей, обмирщаются. Святой апостол Павел писал об этом: «Знай же, что в последние дни наступят времена тяжкие. Ибо люди будут самолюбивы, сребролюбивы, горды, надменны, злоречивы, родителям непокорны, неблагодарны, нечестивы, недружелюбны, непримирительны, клеветники, невоздержны, жестоки, не любящие добра, предатели, наглы, напыщенны, более сластолюбивы, нежели боголюбивы, имеющие вид благочестия, силы же его отрекшиеся» (2 Тим 3: 1-5).

в) Пусть это будет наивным, но мне кажется, необходимо напомнить и о том, что мир, в котором мы живем, — мир падший. Это наша реальность и она будет реальностью до конца времен. «Дьявольская структура мира», о которой говорит патриарх Антиохийский Игнатий IV, открывается перед нашим изумленным взором. Без устали трудится князь мира сего, заботясь повсюду, и особенно в церкви, о разделениях, расколах и раздорах между братьями по плоти и по вере.

Б. Неполная, поверхностная картина, бегло обрисованная нами, в глубине своей является невыносимым откровением, способным ввергнуть некоторых в агонию вечного отчаяния.

а) На самом деле широко распространившееся зрелище «тоталитарного зла» может подвергнуть человека неизлечимому шоку. Эжен Ионеско показал нам, как нелепо и убого, механистически живет общество, из которого ушел Смысл, — это мир без Логоса, мир ада и бесовщины. Соблазн стать нигилистом велик не только у Чорана, но и у множества наших современников. Если мы ограничимся тем, что бросается в глаза, то надежды нет.

б) Эпидемия самоубийств стала символом безысходности нашего времени. Как совершить самоубийство — может стоять в заглавии новой книги. Понимая, что для человека, кончающего счеты со своей жизнью, есть смягчающие обстоятельства, мы все же должны сказать, что соблазн самоуничтожения — от дьявола. Есть самоубийство, которое можно назвать «патологическим». Причина его — в дьявольском наваждении, когда человек думает, что единственный выход из тупика и абсурда его жизни и жизни мира — это стать убийцей самого себя. Есть самоубийство «идеологическое». Оно выражает претензию на утверждение себя в свободе и на самодостаточность — в обоих случаях без Бога...

в) Жестко ощутим недостаток духовных наставников-христиан, способных живо и с оптимизмом показать «основы христианской жизни». Божье отцовство, в сравнении с

державой сатаны, мастера лжи и фокусных представлений, кажется весьма скромным, а то и просто несуществующим. Уж стала редкой харизма «старцев» — милосердия многого. И вот наши братья, без водителя, наощупь, блуждают посреди всеобщей коррупции, становясь добычей псевдопророков сегодняшнего дня.

В. Ад — это тюрьма. И сегодняшний удел человека — рабство «культуре греха», по выражению отца Софрония*. Куда девать «основы христианской жизни», если цивилизация выстроена на фундаменте, диаметрально противоположном?

а) Известно, что запущенная в ход экономическая система нашей цивилизации основана на эгоизме. Для того, чтобы удовлетворять новыми продуктами жажду потребления, созданы такие потребности, каких раньше не знали. Те же, которые и раньше были известны, стимулируются до патологического результата, сексуальный импульс, например. В основе цивилизации либеральной экономики лежит «принцип удовольствия». Именно он и породил чудовищную машину кинорекламы.

Духовные люди напоминают нам: «Страсть есть самая глубокая яма, куда может упасть человек». Страсть есть рабство. Так проявляет себя жажда, не знающая границ, — жажда бесконечного. Однако обращена она к тому, что никогда не сможет ее удовлетворить. По словам о. Думитру Станилоэ, страстью человек сочетает себя с небытием.

б) Современный человек, находясь в плену у зрелища, будучи лишен живых, проверенных опытом основ жизни во Христе, утрачивает не только чувство добра и зла, но также чувство греха, т. е. ответственности перед Богом. Триумфальная универсальность зла, порабощение обманками окружающей культуры, притворный нигилизм расшатывают и без того неукоренившуюся душу и притупляют в ней сознание того, что угодно Богу. Попустительство общества и некоторых затронутых мирским духом христианских сообществ обескураживают человека в его духовной брани.

Общество забыло, что Христос пришел не для того, чтобы отменить Закон. Покуда человек не обретет Свободу в Духе Святом, Закон необходим. Человек XX в., лишившись Закона, столкнувшись с относительностью моральных установлений или с преступным молчанием духовных водителей, даже и не думает о том, как строить личность. Да ему и не по силам ни понуждение, ни требовательность, ни усилие. «Культура греха» дегуманизирует человека; она не будит в нем желание обрести свободу. И человек отказывается от спасения.

в) Преисподняя ложной мудрости, предрассудков, подделок под христианство часто приводит к отчаянию. И там же — рабство на содержании у князя мира сего. Каждый делает себе идола из личных убеждений, не слушая контраргументов, не пытаясь их проверить. Даже в христианской среде, между православными людьми можно видеть тех, кто поддерживает элитарность, или антицерковный индивидуализм, обожествляя культуру и смешивая ее с верой. Если истина не является проявлением любви, то ад и рабство у заблуждений рождают сектантство. Тогда и догмат может стать тюрьмой и идолом. Блеснув в жизни предрассудками и высокомерием собственной правоты, множество наших современников, номинальных или практикующих христиан, духовно блуждает в изоляции ложной свободы.

Эти беды более или менее известны всему миру. Пусть нас извинят за простодушие, с которым мы подчеркиваем то, что и так очевидно. Мы не пророчим несчастья и не судим наше время. В самом деле, суд человечеству никем еще не назначен. Но нас томит отеческая любовь, она толкает нас к братьям и детям нашим, возлюбленным в Боге, к тем, кто знает Его или еще не знает. Мы знаем, что сатана открывает человеку зло для того, чтобы погубить его отчаянием хулы против Духа. Мы знаем, что Бог обнажает перед ним то же зло для того, чтобы светом

Своего милосердия даровать ему спасение. Только Воскресение спасает из ада. Именно оно — основа основ христианской жизни.

II. Новизна Воскресения

Каким бы ослепительным ни казалось подчас триумфальное наступление зла на творение, Дух Святой дарует верующим глаза, чтобы они всюду замечали благое действие Божие. Дух Святой просвещает очи тех, кто верит, и дает им способность везде видеть Христа. Там, где торжествует грех, Дух Святой показывает нам Христа распятого. Но Он также указывает на силу Воскресения, действующую универсально.

А. Нетленная новизна Воскресения в том, что оно — факт. Воплощение и Воскресение Сына Божьего — это не новая доктрина. И христианство — не идеология. В сущности оно — провозглашение исторического факта. Церковь — это сообщество людей, в котором каждый крещеный удостоверяет этот факт. Она живет, подтверждая реальность Воплощения и Воскресения и, поколение за поколением, испытывает ее.

а) Нужно всегда помнить о суверенитете веры. Кризис схоластического богословия и вообще всего школьного богословия напоминает нам, что ни одно человеческое доказательство не может ни обосновать, ни опровергнуть Воплощение или Воскресение. Это факт, который можно принять или отвергнуть. Афинские философы, которым святой апостол Павел возвестил Воскресение, вели себя как проникательные люди, ибо не стали терять время, чтобы опровергнуть эту новость. Они не увидели здесь доктрины. Они прекрасно поняли, что обнаружен факт, который нужно принять или отвергнуть.

Сегодня, как и в те времена, людям возвещено Воскресение, и они могут отрицать его или с верою его принять. «Некоторые же мужи, пристав к нему, уверовали», — говорится в «Деяниях апостолов». Вот так и образуется Церковь: кто-то пристаёт к апостолам или к их ученикам и становится верующим. А богословие развивается уже после совершения акта вероисповедания и от него. Человеческий разум, просвещенный верой, продолжает приобщение факта Воскресения к жизни личности и всей вселенной.

В слове, исходящем от Церкви, первенствует вера, и именно это позволяет Воскресению сиять новизной всегда. Каждый из нас перед Воскресшим — как Марфа и Мария, как Лазарь и многие другие. «Я — Воскресение и Жизнь. Веришь ли Мне?», — день ото дня вопрошает Христос каждого человека. Этот факт стоит над личной культурой и способностями человека. А также над обстоятельствами жизни: радостью, горем, крахом, — в любом закоулке ада Дух Святой побуждает нас вместо лекарства, бальзама, утешения принять весть «Христос воскрес!» И пусть не говорят, что это легко или что это недооценка тяжести человеческой судьбы.

Воскресение воистину сильнее ада, любовь сильнее смерти, а вера творит чудеса. Когда оскудевает вера, стареет христианство. Но там, где человек верит слову, сказанному Богом и Его учениками, там, где человек верит тому, что принесенное св. Евангелием истинно и возможно в жизни, там пребывает вечная молодость Церкви.

В Воскресении, когда Бог дарует нам полностью отдать себя на Его волю, мы испытываем свою веру. Этим поступком мы принимаем собственное бессилие. Не только бессилие от нашей греховности (как сказал пророк Давид: «Бог грешника не слушает»), но и оттого, что человек — не Бог. Мы тварны и совершенно бессильны, в особенности перед лицом торжествующего греха, болезни и смерти.

Наша молитва может стать актом всеобъемлющей веры в милосердие Божие, в Его мудрость, в

Его непреходящую любовь, которая превосходит все мыслимое. День за днем упорствует грех, и мы в ответ на это можем лишь верить в любовь Воскресшего. «Я знаю, что в назначенный мудростию Твоею день и час Ты услышишь меня. И брат мой, т. е. оскверненная плоть моя, воскреснет», — так мы молимся, подобно тому, как молились когда-то Марфа и Мария.

Дух Святой побуждает нас уверовать в то, что милосердный Господь незаметно исполняет наши мольбы. Мы видим не всё. Мы не всё знаем. Но мы верим, что Бог даст нам просимое так, как только Он один может дать, несмотря на наши грехи. Если у нас есть вера, то Святой Дух милостиво дает нам эту уверенность: Бог меня слышит или услышит меня. Возможно и не так, как я ожидаю. Я, быть может, не замечаю, что Он меня слышит. Мне нужно просить, чтобы Он дал мне глаза, чтоб я видел, как Он милует меня и как отвечает мне, когда мне кажется, что Он молчит; как клеветник сатана нашептывает моему уму, что Бог не слушает ничьих молитв. Господь воскресший, я верю от всего сердца, что Ты внемлешь мне, несмотря на мою порочную жизнь. Даруй мне увидеть деяния Твоего добра в мире Твоем, у моих ближних и в моей жизни. Даруй мне также отказаться от всякой пользы моей нечистой, лицемерной молитвы, и даже от исполнения ее, если это Тебе не угодно. Ибо в этом есть правда.

Как это ни парадоксально, но именно тогда, когда веришь «слепо», Дух Святой дает глаза, чтобы увидеть во всем руку Господню. Например, глядя на нашу жизнь глазами веры, мы замечаем, как часто Господь покровительственно вел нас, содействуя нужным нам встречам, полезному чтению. Он, наверное, спасал нам жизнь, избавляя от смертельной опасности. И Он нас привел. Мы узнали Его. И с благодарностью преклонились перед тем, кто Он по-настоящему есть. В суете и заботе жизни мы считали себя брошенными, но, возвращаясь мыслью назад, мы сознаем очевидным милосердное присутствие Воскресшего. Это как свет, который, просияв, осветил землю. Так вера Духом Святым прозревает всемогущее действие Воскресения во всем творении.

б) В Церкви наша молодость, сила веры и неизменная новизна Воскресения. Церковь — это сила Воскресения, которая проникла в бездны ада и выплеснулась из ада на весь мир. Церковь — это не сжигающий пожар божественной Любви. В ней, как в Теле Воскресшего, человеческое существо в приобщении «Святых Таинств» может обрести мистический опыт Боговоплощения и Воскресения. Дух Святой открывает верующему присутствие Воскресшего, присутствие, непостижимое плотскому глазу и непросвещенному уму. Мы верим Богу и Его апостолам, в тайны Царства, по слову их, и именно в силу этой абсолютной веры, которая не спорит, не сомневается, не наскучивает, в силу ее верности, Дух Святой однажды озаряет разум крещеного и дарует ему истину о том, что Воскресший с нами.

Итак, не во время ли святого Крещения происходит это с нами? Особенно, если оно совершается при участии приходской общины и по возможности (как следует в истинной традиции) соединяется с таинством Евхаристии. Не является ли это нам при совершении таинства Евхаристии? Если, конечно, мы не ведем себя, как зрители, т. е. причащаемся себе в осуждение или не причащаемся совсем. Неизменная новизна Воскресения, делающая Церковь девственно юной, — в частом причащении Тела и Крови Христовой, исполненных Духом Святым. Нужно готовиться к нему с величайшим тщанием, в покаянии и посте, чтении Слова Божьего и, особенно, в примирении с ближним. Нужно стяжать Духа Святого, тогда наше причастие обретет смысл и будет сопровождаться слезами покаяния и благодарения, без которых, по словам Симеона Нового Богослова, следовало бы опасаться «причастия без причастия».

Нераскаянность и неподготовленность к таинству старит Церковь. Церковь определена неукоснительно служить человеку сегодня и на все времена. Но она не может выполнить свою миссию, если недостает веры, молитвы, внутренней жизни; если люди отказываются от

заповедей, считая их невыполнимыми. Святой апостол Павел говорил об этом так: «Посему, кто будет есть хлеб сей или пить чашу Господню недостойно, виновен будет против Тела и Крови Господней. Да испытывает же себя человек, и таким образом пусть ест от хлеба сего и пьет из чаши сей. Ибо кто ест и пьет недостойно, тот ест и пьет в осуждение себе, не рассуждая о Теле Господнем. Оттого многие из вас немощны и больны и немало умирает» (1 Кор 11: 27-30). Эти слова истинны не только в отношении Евхаристии, но и остальных таинств Христовых.

в) Новизна Воскресения также и там, где мы находимся на глубине общения со Священным писанием, которое Церковь нам преподает. Нам нужно обрести подлинную, глубокую библейскую культуру, напитываясь Словом в молитвенном чтении и погружении в него. Мы даже можем запоминать целые фрагменты Писания, например, псалмы или изречения святого евангелия. Через это наше погружение в Слово и Слова в нас мы обретаем новую природу, импульсы, привычки, т. е. новое существо. Мы обретаем мысль, отмеченную Божественной мыслью. Тогда на устах наших всегда Слово Божье и Имя Его святое. Святой Иоанн Златоуст еженедельно полностью прочитывал Новый Завет. Так будем же и мы ежедневно читать псалмы, евангелие, богодухновенные апостольские послания и с малых лет приобщать к чтению детей, чтобы Слово пропитало все их существо и чтобы возгорелась в них сила Воскресения.

Б. Вера, питаемая таинственной жизнью Церкви, заучиванием церковных молитв и усердным молитвенным чтением Слова Божьего по милости Духа Святого сможет увидеть, как сила Воскресения действует в мире.

а) Подлинная история, являющаяся мистической историей освящения сотворенного существа страданиями совести, доступна только духовному зрению. Бог охотно дает его тому, кто полагает в Нем свою веру, свою надежду и всю свою любовь. От природы нам недоступен этот духовный смысл истории, во всяком случае наш разум ослеплен таким незнанием Бога, что слишком часто мы не видим дальше телевизора или газеты.

Действительно, христиане — живая пророческая совесть мира, народ Нового Завета. Дух Святой призывает их смотреть на историю церковным оком, как смотрит Сам воплощенный Бог, тем царственным сострадательным взглядом, который падает от куполов наших церквей на человеческую суету. Законно молить Бога, чтобы Он сделал нас достойными такого различения.

Так попробуем же сквозь адскую структуру мира различить пасхальную его логику, нарастание в истории силы Воскресения. Святой Максим Исповедник пишет: «Загадочная сила символов Писания коренится в тайне воплощенного Слова. Там же коренится и наука о твари чувственной и умопостигаемой. Тот, кому ведома тайна Креста и гроба, знает и о существовании этой твари. Посвященный в сокровитную силу Воскресения знает и конечное основание, на котором Бог по Своему произволению устрояет все».

Воскресение — это ключ к зашифрованному письму истории. Эта «скрытая сила», являясь будущим и конечной целью всякой вещи, творит уже сейчас. Все стянуто, как магнитом, и направлено к этому финалу, и с тех пор, как произошло то, что мы называем «конечным основанием» и омегой всего сущего, — «радость пришла в мир». Она пришла как передовая мира, как Царство, которое наступает и к которому мы стремимся. Сколько бы ни было сложностей, препятствий, регрессий, но очевидно невероятное: поступательное движение к полному обожению человека и всего, что в нем.

Нужно, чтобы мы не утратили способность видеть, как усиливается этот свет по мере

разрастания греховной тьмы, которая, умножаясь, внешне поглощает его. Не надо забывать, что именно в окончательном поражении, в полном бессилии Бога, среди мрака святой Пятницы, воссияла во Христе не только божественная Любовь, но и тот Богочеловек, новый обоженный человек, чья любовь не ослабела, чья жизнь победила смерть. Начиная со святой Пятницы, литургия Церкви возвещает Воскресение. То же и в истории. Историческая святая Пятница прошла, как только на заре Третьего и Восьмого дня чуть затрепетал утренний свет Воскресения.

б) Таким образом, наше просветленное верой зрение различает, как повсюду, среди пыльных развалин цивилизаций, называющих себя христианскими, из глубины наружу выходит новое человечество. «Христианство только начинается» — так называется новая книга о. Александра Меня. Христианская вера — это будущее мира. Можно ли не заметить явные симптомы того напряжения, что толкает нас к Царству? Даже крах коммунизма, воистину чудесный, — это символ того мира, в котором люди хотели общаться и строить свою общину.

Повсюду кричат о человеческом достоинстве. Несколько десятков лет тому назад об этом не было и слышно. Бесчисленны мирные начинания. Подчеркнем, что они происходят не просто от морализаторского пыла или желания казаться правоверным христианином. Нет. Так неустрашимая сущность человеческой личности тихо заставляет себя признать. Упование на мир в воюющем мире спокойно настаивает на том, чтобы быть признанным как способ нового бытия. А он, в силу заразности бытовых явлений, передается неверующим людям. Те же, кто верует, у кого есть глаза, чтобы видеть, видят, как агностики и атеисты исполняют евангельское слово, одевая тех, кто наг, давая пить тем, кто жаждет. Так, сами того не ведая, они готовят свои сердца, чтобы в последний день прозвучало над ними это слово: «Придите, благословенные Отца Моего»...

Нужно с благодарностью признать, что приснопоминаемый мир-«деревня» — это мир, где много любви, много сострадания и братской помощи. В этой деревеньке живут сообща, вместе трудятся, служат человеку, не задумываясь над тем, что именно любовь Бога к человеку толкает нас к тому. Мы не знаем, что этот подвиг служения ближнему является образом божественного человеколюбия и происходит от нового бытия, бытия тринитарного, внедренного в мир Словом воплотившимся.

Роль нас, христиан, как народа пророческого, не в том, чтобы подчинять себе и насильно крестить все доброе, что делается в мире. Но наша миссия в том именно, чтобы признавать свидетелями Воскресения каждого миротворца, каждого, кто чувствует себя ответственным за человека в мире сем. Наша роль или, более того, обязанность наша как людей крещеных состоит в благодарении Бога за них и вместо них. Народ христианский — священство мира — воздевает руки, чтобы воздать Творцу жертву благодарения за всех, кто трудится, того не ведая, в согласии с волей Божьей.

Нам, свидетелям появления нового человечества, живым знамениям «скрытой силы Воскресения», причитается благословлять и приветствовать всех, в ком раскрылось, несмотря на жестокость мира, сознание ответственности за все творение. В этом смысл той молитвы, что ежегодно приносится 1 сентября патриархом Константинопольским. Подобное сознание свидетельствует о силе Воскресения. Человек, воскресший однажды утром на Пасху и с тех пор не перестающий воскресать вот уже 2000 лет, — это человек ответственный. Таков человек, приготовляющий себя к Суду. Когда он достигнет полноты возраста Христова, — как говорит святой апостол Павел, то должен будет предстать пред Страшным судом не как раб, не как жертва, но как ответственный, и ответственный за все.

То, что на заре XXI в. человек пробуждается к ответственности за весь космос, должно

привести нас в изумление и исполнить благодарностью. Пробуждается человек царственный, так как истинен тот царь, который за все отвечает перед Богом. Мы же — Церковь Бога живого — сопутствуем человеку сегодняшнего дня, не подменяя его в жизни, не диктуя готовые рецепты. Мы всего лишь свидетельствуем ему. И свидетельствуем за него перед Богом. Мы заведомо удостоверяем, что Дух Святой действует в нем.

в) Сами христиане носят знак Воскресения и мира. Это кажется обычным, но все же здесь много нового. Мало провозглашать Воскресение и славить его знамения в мире. Нужно еще знаменовать его собою. Я вижу, как проявилась сила Воскресения в громадной надежде на примирение христиан. Чувство единения, поиск и мучительная любовь к единству, будучи символом конца времен, «эсхатона», — в то же время и сила, и дух. Знамением исполнения Божьего промысла является открытие того, что можно, даже находясь в разногласиях, уважать, слушать и чтить друг друга. Люди жадно ищут в единстве тринитарный смысл, который вобрал бы в себя множественность без релятивизма. Сегодняшние христиане умиряются и склоняются во взаимном почтении, хотя можно вспомнить и кое-что другое.

Вместе с пробуждением веры в странах Востока, а также с распространением мнения об универсальности Православия внутри Православной святоотеческой церкви рождается новое суждение, превосходящее по силе внутреннее сектантство: Дух Святой учит нас, что коль скоро мы — православные, то нам должно исповедовать истину апостольской и католической Церкви, но не завладеть ею. Истина принадлежит всем. Какой мы ее получили — неповрежденной, немаленной, бескомпромиссной — такой нам и следует ее передать. Но православное сердце достаточно велико, чтобы объять любовью и смиренно молиться за всех, кто верит иначе. Сердце не самодостаточно. Перед лицом Самого Бога оно не хочет быть таковым. Ему нужны другие люди, все люди, поскольку Христос — Господин всех, даже если они того и не разумеют.

В. Если правда то, что в истории действует «скрытая сила Воскресения», если мы Духом Святым уполномочены делать подобные заявления, то, следовательно, Церковь сегодняшняя осознает себя по-новому.

а) Мораль Церкви есть мораль освящения, ибо она является крещальной моралью. Дело христианина не только в том, чтобы принять правила жизни, преподанные Христом. Оно, скорее, состоит в том, чтобы наследовать новое человечество. Святость не есть прежде всего нравственное совершенствование. Она в первую очередь есть собирание с Богом, причастность энергиям Его природы, глубинное общение с Его личностью; а правила жизни естественным образом вытекают отсюда. Поэтому ни в коем случае нельзя отказываться от святости. Это было бы отречением от нашего крещеного естества.

Этика, на которой настаивает сегодня святоотеческая Церковь, в первую очередь упирает на важность для каждого крещеного занятия подлинным преображением своего существа, его онтологическим изменением (*metamorphose*). Этика Воскресения есть «состояние совершенно новое» (патриарх Игнатий IV).

Итак, не является ли церковная мораль моралью пророческой? Она подготавливает грядущий мир, ибо крещеный есть сущий-после-Воскресения. Здесь вхождение в личность Христа Бога важнее даже Закона, поскольку он еще существует. Это означает, что евангелизация первенствует над законничеством. Роль Церкви в первую очередь в том, чтобы учить любви ко Христу и Его Церкви. И еще в том, чтобы на весь мир прозвучал потрясающий призыв Христа: «иди за Мною» (Ин 1: 43). А после — живая проповедь наших пастырей, тех, которые возрастая с молитвой, подчеркнет, что всякий крещеный — это посвященный, облеченный в священство, что он является членом «народа святого» (1 Пет 2: 9-10) и «освященным во Христе

Иисусе» (1 Кор 1: 2).

Христиане образуют совсем новый народ, особую расу, ведущую род от Воскресшего, «аристократию», созданную из разных краев. Их нормальное призвание, сообразное их естеству, — «поступить как дети света» (Еф 5: 1). Только в контексте такой посвященной жизни можно понять заповеди Ветхого и Нового Завета. Итак, безупречность жизни христианина неразрывно связана с его чувством социальной справедливости, чувством евангельской государственности, чувством космической морали, которое нашло выражение в «проповеди Евангелия всей твари» (Мк 16: 15).

При всем том, прочное основание христианской жизни есть любовь — всеобъемлющая любовь к грядущему и — кульминация этики Воскресения — любовь к врагам. На этой любви зиждется Крест, и поэтому она субстанционально связана с пасхальной мистерией. Христос не просто сказал: »Любите врагов ваших,... благотворите ненавидящим вас...» Он был божественной жертвой собственной заповеди. Осуществляя Собой в единстве две воли — Божескую и человеческую, — Он придал ей ни с чем не сравнимую силу. Это та заповедь, которая в высшей степени исполнена божественной энергией. По-человечески невыполнимая, она может воплотиться только если Бог исполнил ее первым. Здесь Бог указал нам путь. Но не только как педагог, чтобы мы следовали или подражали Ему. Он инвестировал исполнение этой заповеди всей личной силой Своего творчества, всей ненасильственной силой Своего Воскресения.

Христианин — это человек будущего, и из этого будущего он молится за мир, за друзей, за врагов и даже, как говорит св. Исаак Сирийский, за демонов, т. е. за тех, кто враг любви. Знаком онтологически нового человека во Христе является любовь к тем, кто ненавидит любовь. Это, конечно, предполагает, что крещеный реализует в полную меру свое обновленное естество.

б) Сегодня роль Церкви заключается не только в том, чтобы собрание крещеных преподавало падшему миру Свет Воскресения. Церковь в равной мере призвана Духом Святым возвестить творению Отцовство Божье. Стоит ли напоминать, что этого хочет Христос и что Дух Святой побуждает к тому же. Любящий Сын хочет, чтобы все люди имели Отца отцом, говорил о. Думитру Станилоэ. Он пришел в мир и Он послал «другого Утешителя» в этот же мир для того, чтобы все могли узнать Отца. Необходимо самой сущностью Тела Христова приобщать наших современников к этому единственному и абсолютному Отцовству.

Роль апостольского служения в том, чтобы возвестить, как сила Воскресения проявляет себя в высшей власти отпущения грехов. Бог поставляет епископов и священников, чтобы избавлять человека от греха и смерти. Но власть эта, полученная ими от апостолов, тем реальнее, чем более погружаются они в себя, со слезами ходатайствуя за верных, доверившихся им. Харизма Богоотцовства входит в Церковь, а через Церковь — в мир через пастырей, подлинно восходящих на крест за крещеных и всех людей.

в) А Дух подсказывает, и мне в это верится, что в наше смутное время и в мире сем, где так празднично умножается грех, Церковь, как никогда ранее, призвана сыграть роль пророческую.

Пророческой является Церковь, возвещающая или возрождающая в памяти верующих промысел Божий о Своем народе и о всем творении. Воодушевленная всегда одним и тем же Духом, Который говорил устами ветхозаветных пророков, она читает знамения времен и для каждой эпохи облекает в новые слова всегда одну и ту же, единственную Божью мысль, полученную ею от апостолов. Она дерзает, устами пастырей и полномочных лаиков, разоблачать свои внутренние нестроения и погрешности. Помня о грядущем Суде, она дерзает также разоблачать всякую несправедливость по отношению к Божьему творению, всякое

оскорбление, нанесенное образу и подобию Божьему.

Не имея ни малейшей части в мире сем, мать человеческая Церковь вступает за каждую личность, за человечество, освященное Воплощением. Она посредничает, как может, в пользу тех, кто страдает от насилия, и против всякой угрозы потери человеческого лица. Церковь в миру — это не только, как обычно думают, высокий моральный авторитет. Она также является защитником людей перед Богом и перед людьми. Она защищает человека от человека. Она молит Бога увидеть, как многочисленны плоды Святого Духа среди людей, любящих добро и справедливость. Она не судит мир. Напротив, она покрывает его грех любовью. В посте и молитве она берет его грех на себя. Если она и призвана обличать, то, конечно, не грешника, а грех и всякое дело князя мира сего.

Нормально поэтому ожидать от Церкви богочеловеческого слова как в испытаниях, попускаемых Господом, так и в радостях. Поскольку эти препятствия допущены Богом, Церковь как пророческий голос Сына Человеческого, лучше других может смиренно и снисходительно ответить на жгучие вопросы современного человека: о власти, о деньгах, удовольствии, счастии, о культуре, о месте морали в научной эволюции.

Церковь есть совесть, душа и дух человечества и всего космоса. Конечно, ее миссия в первую очередь адресована тем, кто верит в Иисуса Христа, Сына Божьего, и тем, кто исповедует единую Божью Церковь, католическую и апостольскую. Именно они способны воспринять богочеловеческую весть, переданную им наследниками святых апостолов и их соратниками из лучших лаиков. Но проповедуемая Церковью весть Христа Бога должна дойти до сердца, а если нет, то до ушей, и быть признанной всеми, ибо «Божье благоволение» пришло ко всем без исключения.

Нам следует также просить у Духа, Который есть Бог, дерзновения и смирения жертвы. Не будем себя обманывать. Норма пасхальной этики христианина, запечатленная в Церкви и в миру действием силы Воскресения, — есть жертва. Ориген говорил, что дерзновение мученичества — нормальное условие жизни христианина.

Напряжение церковной и мирской жизни требует сверхчеловеческих усилий. Быть в миру, в адском пекле мира сего, не будучи от мира, т. е. не отчаиваться, не идти на союз с князем мира сего, — все это заставляет прибегнуть к энергии, по большей части нами не осознаваемой, но обретаемой нами в Крещении. Нужно мобилизовать эту энергию ценою многих духовных усилий, к которым побуждает нас Дух Святой. Одно правдивое «нет» или одно правдивое «да», будучи высказаны, могут повлечь испытания и муки. Сказать «нет» постом, публичной речью, голосованием, выключением телевизора, отказом от всякого рода разврата — есть подлинное дерзновение. «Жертва, — пишет Оливье Клеман, — это не бунт, это, если точно и по совести, непослушание с готовностью принять наказание». Но жертва — это еще и мужество сказать «да» Христу и Его Церкви. Это, если перефразировать определение, данное нашим богословом, послушание с готовностью принять наказание, т. е. послушание с ответственностью за все, что будет после, вплоть до крестных мук.

III. Антиномия Креста

В завершение литургии предстоятель протягивает верующим святой крест для лобзания. Бог показывает человеку Свой Крест, а человек может свободно запечатлеть на нем поцелуй. В Кресте познается ужасающее противоречие добра и зла в творении и в сердце человеческом.

Жить во Христе — это быть в аду с зажженной пасхальной свечой в руке. Это очень трезвенная жизнь с четким осознанием человеческой судьбы. Христианин не строит иллюзий о себе и о

мире. Уж не все ли он знает о мире и о себе? Бог по Своему милосердию открывает нам зла столько, сколько мы можем понести. Сатана, враг рода человеческого, предъявляет человеку правду без любви, а это есть подлость, из-за которой отрекся от своей любви Адам.

А. Христианская аскеза представляется мне первоначальным образом восприятия нами святого животворящего Креста. Она является одним из древнейших и наиболее актуальных оснований христианской жизни. Благодаря важному месту, уделенному аскетике, Церковь берет на себя ответственность за современный мир.

а) Мне кажется, необходимо сказать, что аскеза — это радость. Христианин пытается жить новой жизнью во Христе, и поэтому его аскеза радостна. Святой апостол Павел первым сравнил христианина со спортсменом, отметив, что аскеза ведет к духовному здоровью и способствует его поддержанию. Он также сравнил христианина с борцом. Аскезой измеряется здоровая и, если хотите, святая часть нашей жизни, поэтому она совершенно необходима. Ей бы должно, наконец, найти теплый приют у наших современников, жаждущих здоровой и взвешенной жизни.

Аскеза — радость, ибо благодаря ей христианин шагает след в след за Христом. Она есть вхождение в образ жизни Христа. Например, мы постимся не нашим собственным постом. Этот пост принадлежит Христу, а мы — соучастники в нем. Пойдем дальше. Когда мы постимся, то это в нас постится Христос, Христос бодрствует в нас, Христос в нас молится и Христос повергает Себя на землю в благоговении, когда я падаю ниц. В этом наша радость: ведь мы являемся инструментом в руках величайшего Аскета всех времен. Это Он действует в нас! Тот, Который победил сатану, Тот, Который воскрес из мертвых!

Другой повод для радости в христианской аскезе касается лица Духа Святого. Аскеза дает свободу действовать в нас Духу Святому. Он — пленник у наших страстей и грехов, психологических и духовных нагромождений. Аскеза есть терапия, высвобождающая Дух, так как по существу своему она отвергает любовь к себе. Радость, рожденная аскезой, — не наша радость. Эта радость нам не принадлежит, ибо она — не человеческая. Она — Божественная. Это радость Духа Святого. Настоящие аскеты — дети Света и Мира.

Умерщвляя причину смерти, которая есть любовь к себе, христианский аскет соучаствует в пасхальной победе Христа. В этом смысле подлинная христианская аскеза расширяет человеческое сердце и научает его безграничной любви. Любовь же к себе воздвигает стены и держит в затворе. Но если ее убить, то хватает места для любви ко всей и всяческой твари.

б) Актуальность аскезы как основы христианской жизни подтверждается тем, что она отвечает главным устремлениям нашей эпохи. Например, важнейшей характеристикой нашей цивилизации является потребление, а пост позволяет человеческому существу ополчиться против излишнего потребления. Личность, семья, приход могут жить в миру и не быть в рабстве у рекламы, если они примут простое и зрелое решение последовать церковному ритму питания. Разумеется, это предполагает царственную свободу крещеного, т. е. акт свободного выбора.

Подобным же образом наше время предлагает бесконечные развлечения и даже рассеяние, которое в глубине своей несет нечто дьявольское. Сатана рассеивает. Церковь предлагает сегодняшнему человеку собраться, сконцентрироваться, сплотиться в молитве, в размышлении о Слове Божьем. Она предлагает ему обрести свое подобие в памяти Божьей, умириться, произнося Имя Иисуса.

Справедливо, что христианская аскеза — как, впрочем, всякая аскеза, например,

профессиональная работа, опыт художественного творчества, модная в наши дни спортивная деятельность, — требует от человека усилий. Ей неприемлемы расхлябанность и лень. Она пришла оттуда, где побеждают и возвышаются над собой.

Частной формой христианской аскезы является исповедание грехов. Оно безусловно необходимо. Исповедь предстоит открыть заново как составную часть христианской жизни. Ее не нужно смешивать с терапевтическим наступлением на психотип. Фундаментом ее является изобличение греха. Исповедуя свой грех я, в лице моего священника, говорю Церкви, что не согласен грешить, что отделяю себя от сатанинской работы. Сатану нужно изобличать чаще и рвать с ним всякую связь.

Исповедь фактически является аскезой, так как через нее мы пытаемся быть смиренными. Мы учимся не оправдываться ни перед Богом, ни перед самим собой, подвергая себя осуждению. Исповедь — это, может быть, самая необходимая из всех форм христианской аскезы. Ею мы достигаем «духа сокрушенного», «сердца сокрушенного и смиренного», согласно псалму пророка Давида, сердца, открытого истинной любви. Через исповедь мы осуществляем важную помощь тому падшему миру, в котором живем. В самом деле, признавая грехи и отрекаясь от зла делом или помышлением, мы отсекаем корни зла, которое там и здесь прорастает в мире. Кающийся облегчает человеческую судьбу, поскольку он отвергает грехи, являющиеся по своей глубинной сути всеобщими.

Исходя из этих соображений, христианская аскетическая жизнь связана с Евхаристией. Аскеза ориентирована на причастие Телу и Крови Христовой и на все таинства вообще, так как в них даруется нам многообразная милость Божия. Аскеза не замыкается на себе. Нет, она — инструмент, посредством которого мы делаем наше сердце способным принять Божью милость. Поэтому она исполнена надежды и радости. Своим аскетическим усилием мы подготавливаем почву, придаем глубину нашим голоду и жажде, взрыхляем каменистую землю нашего сердца.

в) Антиномия Креста выявляется действием христианской аскетики. В одно и то же время она есть смертный приговор всему, что нас толкает к смерти, — любви к удовольствиям, деньгам, власти, почестям, желанию славы, непрочной любви и нежности к самому себе — и причастие свободе Духа, энергиям Воскресения. Через нее и сама аскеза познается как истинное таинство, а не техническое средство: в ней осуществляется связь с пасхальной мистерией. Она объединяет в себе два лика Креста: лик добровольного самоуничужения и лик победы над смертью. Частые метания, длительные бдения, на коленях или стоя, постоянное признание ошибок также обладают смыслом пасхального действия, подобно молитве, возносимой Богу из бездн ада. Все это является выражением добровольного служения христианина во имя перехода от смерти к жизни вечной. Это свободная жертва, дающая знать, как возрастает в Боге человеческая личность.

Б. Терпение в искушении — еще одно основание христианской жизни. Его признаком является манифестация сотворенной свободы. Наша эпоха, как и все эпохи, спотыкается о позор страдания и смерти. Учение Самого Христа и всех святых, вслед за пророком Иовом, говорит, что испытание, если человеческое существо способно свободно принять его, есть путь восхождения к святости. Если испытание нам навязывается, то где же здесь свобода? — спросите вы. Свобода в том, как мы его принимаем, как мы говорим «да», в согласии ли идти на крест с верой, что этот крест протянут нам Богом, что так Он хочет подарить нам Свою неизреченную Любовь. У нас, разумеется, есть выбор: взбунтоваться или принять. Но не в этом истинная свобода. Это, как учат нас отцы наши по вере, свобода падшая. Истинная свобода не знает альтернативы. Она — в согласии жертвенного сердца принять неведомую волю Божью: «Да будет воля Твоя!»

Истинный христианин принимает страдание как честь и как Божью милость, такова антиномия Креста. Святой апостол Павел сказал об этом так: «Вам дано ради Христа не только верить в Него, но и страдать за Него» (Флп 1: 29). «Страдать за Христа» содержит в себе особое благословение и даже избранничество: страдающий, даже в силу обстоятельств, неразрывно связан с Иисусом Христом; он находится в сфере божественной Любви и становится богоносцем (отец Софроний).

Искушение похоже на аскезу. В том и в другом случае христианин живет парадоксом Креста. Он порывает со всем, что принадлежит смерти и падшей природе мира сего, со всеми страстями, явными в зле и страданиях, окруживших нас, он порывает с адской отделенностью от Бога, и одновременно, актом обновленной веры, с новыми силами, Духом дарованными, он соединяется со Христом и Его Церковью и заключает этот союз снова.

Крест и муки, избранные свободно, будучи познанием Воскресения в личном опыте, представляют собою такое же основание христианской жизни. Крестом Своим Господь указывает нам путь святости. Святой Иоанн Златоуст сказал об этом с предельной ясностью: «Без креста, без страданий, взятых на себя свободно, нет христианства». «Вашего Бога распяли, — говорит он, — а вы ищете спокойной жизни!» Доказательством любви к Богу служит крест, принятый в нашу жизнь свободно и верно. И еще одно изречение того же святого: «Привяжите себя к кресту, даже если никто не пригвоздил вас к нему... Если любите Господа, умрите Его смертью». То же говорил и святой апостол Фома Ближец: «Пойдем и мы умрем с Ним!» (Ин 11: 16).

Своими страданиями мы соучаствуем в страданиях Христа, и это становится священнодействием. Свободно принять страдания и сделать этот выбор по любви стало позицией христианина. Такая позиция изгоняет бесов из нашей жизни и учит познавать Христа. «...За претерпение смерти увенчан славою и честью Иисус», — говорит святой апостол Павел (Евр 2: 9). Когда Сам Господь допускает страдание, мы не бунтуем, ибо Он принимает это испытание на Себя.

В. В молитве, без которой немислима христианская жизнь, антиномия Креста ощутимо ложится на плечи христианина.

а) Позвольте мне напомнить вам о важности молитвы, хотя я и знаю, что вы в этом глубоко убеждены. Молитва, из всякого рода деятельности, которой только предается человек, — самая трудная и самая высокая. Благодаря ей человек способен держать равновесие на краю бездны. Молитва — это действие или состояние, когда человек обращается к Богу и слушает то, что Господь говорит его сердцу, или еще это когда он пребывает или покоится в Боге.

Последние слова о пребывании в покое вместе с Богом или в Боге более всего адекватны молитвенному состоянию, а два первых означают непосредственное молитвенное делание как проявление высшей личностной деятельности человека. Бывает и так, что, пребывая в Боге, мы беседуем с Ним или концентрируемся на слушании того, что Он говорит нам. Тогда все три аспекта — беседа с Богом, выслушивание Его, пребывание в Нем — встречаются.

Со всем тем, молитвенное делание — это не только непоколебимая вера в Слово Господне, но также и углубление, самое большое, какое только возможно. Опыт молитвы — это ответ на запросы внутренней жизни общества, в котором внешние ценности превалируют. Но нутро христианской молитвы не равно пустоте безличной медитации. Она есть полнота одновременного присутствия Христа и самого себя, когда сотворенная личность присутствует внутри себя в диалоге с божественной личностью или покоится в ней, как апостол Иоанн на груди у Иисуса.

Действительно, без мистической встречи с живым Богом нельзя стать христианином. Христианская жизнь есть мистика, даруемая всем крещеным милостью Пресвятого Духа. Вся христианская деятельность в пользу бедных и страждущих тем более угодна Богу, что начало ее — в мистической молитве. Чтобы не стать просто гуманизмом, христианская филантропия должна родиться от филантропии божественной.

Более того, молитва крещеного проистекает из церковного характера его жизни. Его молитва, если даже она совершается в глубоком уединении, пусть даже в пустыне, все равно есть молитва Церкви, богочеловеческого и молитвенного сообщества. Она включает в свою сферу Богородицу и всех святых. Христианская молитва — это молитва Церкви, где Христос молится, и все исполнено Духа Святого. По этой причине христианская молитва имеет смысл и силу необыкновенные. Это молится Сам Богочеловек. А крещеный молится во Христе, как один из священства Нового Завета. Вот почему так важна внутренняя жизнь Церкви и каждого ее члена: эта жизнь есть алтарь, где пребывает Христос в молитве.

б) Литургическая молитва — норма молитвы христианской, потому что она выражает всю церковную сущность христианской жизни. Частная молитва всегда производится кем-то, кто принадлежит к приходскому или монастырскому литургическому собранию. В одиночестве или в собрании, мы молимся молитвами, составленными по вдохновению Святого Духа нашими отцами по вере. Мы погружаемся в эти научающие нас богочеловеческие слова, которые нас на глубине просвещают, подчеркивая наше общение со всем собранием верующих. То же можно сказать и о чтении псалмов: оно связывает нас с ветхозаветными корнями Церкви.

Литургическая молитва требует также (я настаиваю на этом) глубокого внутреннего погружения. Она должна быть абсолютно молитвой сердца. Дух Святой хочет, чтобы совершение святой литургии, служб, различных таинств было бы прозрачным к присутствию Христа, Который в высшей степени священник. Литургическая молитва является той молитвой, которую, восстав из ада, в Духе Святом, принес Отцу воскресший Сын. Совершая обряды и общественную церковную молитву, мы призваны, как на святых иконах, умертвить свое человеческое перед лицом божественного.

И в наше время еще сохранились места, где предстоятели, будь то священники или layки, совершают литургическую молитву в небесной радости. Там воздух наполнен дрожанием ангельских крыл. Там чувствуется присутствие Святого Духа. Легкость в ритуальных перемещениях, сдержанность и ясность жестов, проповедь, произнесенная кротко, резонирующая тишина после каждого священнословия, даже некоторая медлительность даруют человеческому сердцу, в котором только и возможно богопознание, почувствовать славу Царства в страшном и радостном трепете. В идеале нам должно со слезами благодарности увидеть этот нетварный свет, который некогда поверг на землю апостолов на горе Фавор, чтобы в нем, сколько можно, узнать Господа. Пусть будет сделано все возможное для поощрения молитвенного, углубленного стиля священнослужения. Да благоприятствует все действию Святого Духа, Который хочет освятить наш разум и сделать его способным к восприятию света Воскресения в Церкви и в мире.

в) Самой актуальной в молитвенной жизни Церкви мне кажется Иисусова молитва. Она, разумеется, не исключает других форм молитвы. Но она так подходит к нашему времени, что может служить эталоном. В любом месте, в любое время, подражая русскому «страннику», христианин может повторять в голос или про себя: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня, грешного», «помилуй нас, грешных», «помилуй мир Твой», «помилуй раба Твоего или рабу Твою N..!» Молиться как дышать — вот евангельский идеал. В этом реализуется наша глубинность, о которой мы говорили и которая превращает молящееся сердце христианина в мистические глубины мира. В нем — космос видимый и невидимый,

чувственный и сверхчувственный.

Иисусова молитва особенно подходит нашему времени в силу того, что это молитва покаянная. Действительно, только покаянием человек может быть извергнут из ада. Покаянной молитвой человек XX века проливает слезы изгнанного из рая Адама. Его молитва — это молитва падшего человечества, отчаянно надеющегося на то, что Создатель его простит. Тот (или та), кто молится, примиряет в себе человечество с Богом. При этом он не становится посредником между человечеством и Богом. Но в глубине себя (т. е. личности, единой со всеми людьми) человечество, преодолевая отделенность от Бога, переходит к единению с Ним. Каждый человек несет в себе всего человека. Он в духовном своем ядре, т. е. в сердце, в котором разум сочетал все эгоцентрические и теоцентрические тенденции падшего человечества, а через него и космоса, умиряет и стирает Иисусовой молитвой все мучительные противоречия.

Заключение

В конце этого выступления я благодарю вас за то, что вы со снисходительностью его выслушали, и хочу повторить, что единственной целью христианской и человеческой жизни, конечной целью тех основ, которые я попробовал вам изложить, является святость. «Будьте святы», — требует от учеников Христос Бог. Никогда не будем отказываться от святости. Только в ней одной мы воистину становимся человеческими. Миссия, которую несет Христова Церковь нашей эпохе, такова: ищите прежде всего святости, собирайте с Господом, пытайтесь стать богами по благодати. Обожение предлагается всем людям без различия. Ад, в котором мы пребываем, побежден не только лично Христом, но еще и Его святыми. Святой, как пишет о. Думитру Станилоэ, «есть существо наиболее человеческое и смиренное... /Он/ симпатичен вам своей твердостью и добротой одновременно... Он освобождает вас от того уродства и бессилия, в которых вы пребываете, от подозрительности, царящей внутри вас... Вы чувствуете, что через святого приходят к вам не только сила и свет, исходящие из источника высшей силы и света, но также доброта, струящаяся из высшего источника доброты». Уподобимся же и мы ему. Это лучший способ помочь сегодняшнему миру.

Перевод с французского Ирины Преображенской

* Митр. Серафим (Ромул Жоантэ, Romul Joanta) родился 4 сентября 1948 г. возле Брашова (Румыния). Учился в богословских институтах в Сибиу (Румыния) и Св.-Сергиевском институте в Париже, где защитил докторскую диссертацию «Традиция исихастов и обновление монашеской жизни в Румынии», после чего преподавал (1986–1989 гг.) в этом институте. С 1990 г. — епископ Фогарашский (Румыния), с 1994 г. — митрополит Германский, исполняющий обязанности руководителя диоцеза Румынского Патриархата в Западной Европе.

** Доклад на IX конгрессе православных Западной Европы (1–3 ноября 1996 г., Сен-Лоран-сюр-Севр, Франция).

Священник Эрнст Христофор Суттнер: Мнение древней Церкви о присутствии спасительной силы в греческой

языческой философии и в персидской религии

Богословие и философия

«Extra ecclesiam nulla salus» («вне Церкви нет спасения») — древнее и, несомненно, важное положение учения Церкви о спасении. Однако оно является также причиной множества уже произошедших недоразумений, и не раз волновало умы.

Упускают из виду, что оно может быть понято двояко. А большинству людей, которых оно возмущает, известно только одно из этих двух его толкований. Большинство критиков вообще не учитывает, что с древних времен в Церкви его понимали совершенно иначе, нежели они привыкли. Они бывают поражены, узнав, что если за основу взять другое понимание, высказывание оказывается прямо противоположным тому, что их возмущает.

Некоторые представители церкви, ссылаясь на это высказывание, признают только один-единственный путь ко спасению. Они считают, что любовь и милосердие Божии направлены только на членов их собственной церкви. Во всех христианских конфессиях есть люди, понимающие это высказывание настолько узко, что, в зависимости от того, к какой церкви они принадлежат, оно означает: «extra Romam», или «extra Wittenberg», или «extra Orthodoxiam nulla salus». По их мнению, Бог дарует спасение исключительно через их Католическую, Евангелическую или Православную церковь, и они твердо убеждены, что только те смогут его обрести, кто к ней принадлежит. Такая интерпретация дискредитировала это высказывание для многих наших современников; из-за нее оно встречает активное неприятие со стороны многих христиан и нехристиан.

Другие при толковании этого высказывания исходят из того, что Троичный Бог желает всем спастись. Они придерживаются его потому, что одно из основных положений христианского вероучения говорит о том, что все люди, ведомые Господом к вечной жизни, будут спасены через единую святую Церковь. Для них рассматриваемое здесь высказывание означает: «ubi salus, ibi ecclesia» — «где Бог дарует спасение, там и Церковь». В соответствии с этим пониманием, Церковь должна считать своим членом каждого, кто испытал милосердие Божие. Поэтому никто не должен искать границы спасительной благодати там, где кончается принадлежность к его собственной церкви; граница дарующей спасение Церкви находится, скорее, настолько далеко «снаружи», что все, кому дано было познать любовь Бога, пребывают «внутри» — даже если это и нельзя установить эмпирически.

Такое понимание было распространено в Церкви с самого начала и принадлежит ее традиции. Ниже предлагаются свидетельства тому, оставленные древней Церковью.

Св. мученик Иустин Философ отдает должное греческим философам, жившим в согласии с крупницей посеянного в них Слова Божия.

Иустин, чьи родители были язычниками, долгое время безуспешно искал истину у греческих философов различных школ и направлений. В конце концов он нашел то что искал в христианстве и принял крещение. Он отправился в Рим и стал там учителем философии. Около 165 г. он принял мученическую смерть вместе с шестью соратниками.

Чтобы верно понять, что в трудах Иустина нас интересует более всего, необходимо поразмышлять над греческим словом «логос». Оно означает «слово», но кроме того, еще и то, о

чем мы думаем, когда сталкиваемся в нашей научной терминологии с заимствованными словами, образованными с помощью греческого слова «логос»: «логика» или «логичный», а также «филология», «геология», «терминология» и т. д. Все, что упорядочено и потому доступно для нашего разумного познания, затем — причина этого порядка и сила нашего духа, позволяющая нам распознать этот порядок, тоже принадлежат широкому смысловому полю греческого слова «логос». Поэтому оно пригосудилось в прологе Евангелия от Иоанна, где идет речь о вечном Сыне вечного Отца как Искупителе творения и Спасителе, пришедшем ради нашего спасения в образе человека.

Кто ищет истину, подобно Иустину, должен почувствовать отблеск вечной истины, заложенной Богом-Творцом в творение; он должен также услышать слово, которое этот же Бог посылал человечеству через пророков Израиля; и чтобы достичь полноты познания истины, он должен открыться навстречу божественному Откровению Иисуса Христа, вочеловечившегося вечного Логоса. Ведь «Бог, многократно и многообразно говоривший в древности отцам в пророках, в эти последние дни говорил нам в Сыне, Которого поставил наследником всего, через Которого и сотворил миры» (Евр 1: 1-2).

Люди, жившие до Рождества Христова, честно искавшие заложенную в творении истину или слушавшие пророков, были, по мнению Иустина, настолько связаны со Христом, вечным Логосом, что он (Иустин) настойчиво называл их христианами. В главе 46 его так называемой Апологии I он пишет:

«Мы научены, что Христос есть перворожденный Бога и ... Он есть Слово, коему причастен весь род человеческий. Те, которые жили согласно с разумом (нем. mit Vernunft, греч. meta logou), суть христиане, хотя бы считались за безбожников: таковы между эллинами Сократ и Гераклит и им подобные, а из варваров — Авраам, Анания, Илия и многие другие ...»¹

В главах 7-13 так называемой Апологии II он продолжает эту тему. При этом он подчеркивает, что те, которые в своих исканиях достигли отчасти связи с Логосом, были преследуемы как христиане. Он пишет: «И все, что когда-либо сказано и открыто хорошего философами и законодателями, все это ими сделано соответственно мере нахождения ими и созерцания Слова, а так как они не знали всех свойств Слова, Которое есть Христос, то часто даже противоречили друг другу. Но кто из живших до Христа человеческими силами пытался исследовать и испытывать истинность чего-либо с помощью разума, те были предаваемы суду как нечестивые и одержимые страстью к нововведениям. Самый твердый из них в этом отношении, Сократ, — был обвинен в тех же преступлениях, что и мы (христиане), ибо говорили, что он вводил новые божества и отвергал те, которые признавало государство».

Описывая свой собственный путь искания истины и свидетельствуя о своем глубоком уважении к философам, которые «живут согласно с посеянной в них крупницей Слова Божия» и заслуживают того, чтобы называться христианами, он указывает: «Признаюсь, я всеми силами стараюсь и молюсь о том, чтобы явиться на самом деле христианином; и это не потому, что учение Платоново совершенно отлично от Христова, но потому, что не во всем с ним сходно, равно как и учение других, как-то: стоиков, поэтов и историков. Ибо всякий из них говорил прекрасно в зависимости от того, насколько ему удавалось жить согласно с крупницей посеянного в нем Слова Божия и насколько он познавал сродное с Ним. Но так как они противоречили друг другу в главнейших предметах, то, очевидно, не были дальновидны в своем знании и не достигли непогрешимого познания. Итак, все, что в их творениях прекрасно, принадлежит нам, христианам. Ибо мы, после Бога, почитаем и любим Слово нерожденного и нераздельного Бога, потому что Оно также ради нас сделалось Человеком, чтобы сделаться причастным нашим страданиям и исцелить нас».

Мнение Климента Александрийского о греческой философии

Климент Александрийский (ум. ок. 215 г.) в своих «Строматах» называл греческую философию «в определенном смысле творением божественного провидения» (I, 8, 4), «отчетливым отражением Истины, божественным подарком грекам» (I, 20, 1) и «необходимой для оправдания греков перед пришествием Господа» (I, 28, 1; см. также I, 99, 3). По его мнению, она «воспитывала греческий народ для Христа, как закон — евреев» и «пролагает и prepares путь, который должен быть совершен Христом» (I, 28, 3).

Чтобы оценить значение слов Климента о греческой философии, нужно вспомнить текст послания апостола Павла (Гал 3: 24), в котором Богом данный закон Ветхого Завета называется «детоводителем ко Христу». Для Климента греческая философия и Новый Завет относятся друг к другу так же, как Ветхий Завет и Новый Завет. Он пишет: «Хотя греческая философия охватывает истину не в полном ее величии и, к тому же, не имеет силы исполнить заповеди Божии, но она готовит путь для в высочайшем смысле царского учения, побуждая некоторым образом к размышлению, влияя на убеждения и подготавливая к принятию истины (I, 80, 6)2.

Исходя из общей первоосновы, а именно из божественного плана спасения всех людей, Ветхий Завет и греческая философия являются для Климента двумя путями к одной общей цели. Они подготавливают, каждый по-своему, к полноте истины и спасения во Христе тех, для кого они божественным любящим провидением поставлены быть детоводителями.

Волхвы и звезда в «Кондаке на Рождество Христово» прп. Романа Сладкопевца

Прп. Роман по прозвищу Сладкопевец принадлежит к числу великих поэтов мировой литературы. Свое поэтическое мастерство он как дьякон использовал в служении для проповедания веры; его сочинения, так называемые «кондаки», являются серьезным свидетельством для катехизического наставления, которое Греческая церковь предлагала верующим в то время. Он родился в Сирии, в городе Эмеса, в сирийской или еврейской семье. Вначале он служил дьяконом в Бейруте, а при императоре Анастасии I (491–518 г.) прибыл в Константинополь, где до самой смерти (560 г.) был клириком храма Богоматери.

В его время греческое язычество было уже преодолено, а ислама еще не было; религия персов была единственной значительной нехристианской религией в окружении греческого христианства. Византийцы называли учителей языческой персидской религии волхвами; читая в Евангелии от Матфея о пришедших в Вифлеем с Востока волхвах, они всегда думали об этих людях. Это, разумеется, отразилось на греческой литургической поэзии той эпохи. Когда в церковных песнопениях того времени речь идет о волхвах с Востока, имеются в виду, как правило, персидская религия и ее учителя. Произведения прп. Романа не были в этом смысле исключением.

Кондаки Романа Сладкопевца сначала были в литургическом обиходе, но со временем были вытеснены более поздними сочинениями. Это произошло не потому, что в их содержании обнаружилось богословские противоречия. Как раз наоборот: за свое поэтическое служение Роман почитается Православной церковью как святой. Легенда говорит о том, что «Богоматерь ему во сне явилась и чудесным образом дар песнопений сообщила»*.

Обратимся теперь к его «Кондаку на Рождество Христово». В четвертой строфе «Кондака» начинается беседа Девы Марии с волхвами о связи персидских «языческих» мудрецов со Христом. Пресвятая Богородица, удивленная тем, что они, чужие люди, ищут Родившегося, спрашивает волхвов, кто они такие. Они же спрашивают Ее, кто Она, через которую произошло великое событие, о котором им поведала Звезда. К Валааму, говорят они, восходят истоки их

понимания того, что сообщила им Звезда: «Валаам разъяснил нам точный смысл своих пророчеств, сказав, что взойдет Звезда: Звезда, которая затмит всех предсказателей и прорицателей, Звезда, которая разгадает все притчи, изречения и загадки мудрецов; Звезда как Творец всех звезд превзойдет намного сияние виденных нами звезд, и о ней написано, что восходит она от Иакова»³.

Итак, далекие от христианства волхвы ссылаются в своем ответе на чуждого израильтянам пророка Валаама как на указывающего путь «детоводителя», который привел их навстречу Христу. Валаам, несмотря на его чужеродность, избран произнести благословение Ягве на народ Божий, и Валаамово пророчество удостоивается того, чтобы, подобно изречениям пророков священного народа, быть записанным в Св. писании. Вот его пророчество: «Вижу Его, но ныне еще нет; зрю Его, но не близко. Восходит звезда от Иакова и восстает жезл от Израиля... Израиль явит силу свою. Происшедший от Иакова господствует над Своими врагами» (Чис 24: 17-19)⁴.

Услышав, что пророк-чужестранец показал чужим мудрецам верный путь, Богородица в следующей строфе обращается к Иисусу с хвалением, которое следует за «Величит...», и переходит в ходатайство: «Дитя Мое, Ты сотворил Мне, бедной, величие: погляди, волхвы ищут Тебя снаружи; цари Востока жаждут увидеть Тебя; аристократы Твоего народа просят дать им посмотреть на Тебя. Ибо воистину они Твой народ, те, которым стало известно о Тебе, Превечном Боге, когда Ты еще младенец. И поскольку они Твой народ, Дитя Мое, позволь им войти под Твой кров, чтобы им видеть богатую бедность и драгоценную нищету».

Кров, под который нужно позвать волхвов, названных, вопреки их языческой персидской религии, Иисусовым народом, — это вначале хлев в Вифлееме, к которому они пришли, ведомые звездой. Так как по святоотеческим традициям Мария считается символом Церкви, то мы должны одновременно воспринимать эту хвалу как сказанную от лица Церкви. Только тогда обретает полноту своего значения великое деяние Бога, приведшее волхвов с помощью Валаама «к порогу», и тот факт, что об учениках Валаама говорится «Твой народ». Имеется в виду ходатайство Матери Церкви о том, чтобы Превечный Бог даровал «переступить порог» тем, которых Его отеческая доброта привела уже столь близко к Нему.

Следующие две строфы имеют величайшее значение, так как эти слова вложены в уста Самого Христа. Обращаясь к Богоматери и, таким образом, к Матери Церкви, Христос подтверждает, что Он вел волхвов; что они слушались Его Слова, думая, что следуют культу звезд; что Он наполняет сердца людей, стоящих «снаружи», хотя никогда не покидает Своей Матери-Девы: «Иисус Христос, наш истинный Бог, прикоснулся к сердцу Богоматери и сказал: Введи их, которых Я привел Своим Словом; Мое Слово и было тем, что светило искавшим Меня. На вид это была звезда, в истинном же Богопознании это была сила... Я подал знак звезде, чтобы она шла с волхвами и теперь остановилась, чтобы завершить свою службу и показать своим сиянием место, где родился Младенец и Превечный Бог. Так прими же, Святая, прими их, которые Меня приняли; ибо в них я как у Тебя на руках и, не удаляясь от Тебя, Я пришел к ним».

Более того, в «Кондаке» сравнивается «язычество» волхвов с религией Ветхого Завета. Проводятся параллели, сходные с высказываниями Климента Александрийского об эллинизме. Иудаизм и вера волхвов являются для Романа Сладкопевца равноправными проводниками к цели, указанной Богом. Расспрашиваемые иудеями, как они могут идти незнакомым путем, волхвы отвечают: «Как вы когда-то пересекли большую пустыню, через которую вы шли? Выведший вас из Египта приводит теперь к Себе халдеев. Тогда светил огненный столб; теперь звезда показала Младенца, Превечного Бога. Повсюду звезда шла перед нами, как перед вами Моисей с его жезлом, распространяя свет Богопознания. Вас когда-то питала манна и поила

скала. Нас наполняла надежда на Него; питаемые радостью о Нем, мы не помышляли о том, чтобы возвратиться по непроходимой пустыне обратно в Персию, ведь мы жаждали увидеть Младенца, Превечного Бога, поклониться Ему и воспеть Ему хвалу».

Волхвы и звезда в других богослужебных песнопениях и на иконе Рождества Христова

Православный тропарь праздника Рождества Христова воспевает Спасителя, приведшего к истинному просвещению поклонявшихся звездам благодаря их почитанию посланной Им звезды: «Рождество Твое, Христе Боже наш, осветило мир светом Богопознания. В тот час почитавшие созвездия были научены звездой поклоняться Тебе, Солнце правды, и почитать Тебя, с высоты восходящее Светило, Господи, слава Тебе!»

Из употребительных сегодня богослужебных книг Православной церкви назовем в дальнейшем несколько других примеров многочисленных песнопений, воспевающих Бога в Его Рождестве за то, что Он указал волхвам через их поклонение звездам путь к Родившемуся Спасителю.

На праздничной вечерне читаются девять паримий, которые должны помочь участникам богослужения глубже понять тайну Рождества. После каждого трех таких чтений следуют антифонные промежуточные песнопения, которые поются с большой торжественностью. Наставленная Словом Божиим христианская община поет в качестве припева к этим песнопениям два текста, в которых она ставит себе в пример ведомых звездой «язычников», которым она хотела бы подражать: «Ты родился в укрытии пещеры, Спаситель, но Небо возвестило о Тебе всем, сделав звезду своими устами. Небо привело к Тебе волхвов, которые поклоняются Тебе в вере. Помилуй же нас вместе с ними».

«Ты вышел из Девы, Христос, Солнце правды, и звезда возвестила о Тебе, Неприступном, вошедшем в пещеру. Небо вело волхвов поклониться Тебе; вместе с ними мы и воспеваем Тебя, Дающий жизнь, слава Тебе».

Другие песнопения, которые на богослужении исполняет хор и которые поэтому могут быть более сложными по построению и смыслу, говорят не только о том, что волхвы по-своему пришли ко Христу и достойны подражания в их пути к Нему. Они говорят и о том, что руководимые «языческой» готовностью к послушанию звезде, волхвы пришли к истинной встрече со Христом в вере: «Волхвы персидские и цари, привлеченные светлой звездой, несомненно, познали родившегося на земле Царя Небесного и поспешили в Вифлеем с изысканными дарами, золотом, ладаном и смирной; пав, они поклонились Ему, ибо знали, что Вечный лежал в пещере в образе Младенца». «Ныне Дева рождает Творца Вселенной. Эдем предоставляет Ему пещеру, и звезда возвещает о Христе, Солнце всех живущих во тьме. С дарами пришли поклониться волхвы, просвещенные в вере; пастухи узнали о чуде, ибо ангелы славословили: Слава в вышних Богу».

Любая традиционная икона Рождества Христова также говорит о благодати Божией, приведшей звездочетов «к порогу». На одной такой иконе можно увидеть луч света, направленный на пещеру, в которой лежит новорожденный Младенец. Луч исходит сверху, где на большинстве икон изображен огненный круг, означающий величие Божие, намного превышающее возможности нашего мышления, проповедания и иконописания; нами подразумеваемое, но никогда в достаточной мере не могущее быть выраженным. Этот луч указывает на самооткровение Божие в Иисусе Христе. Он всегда на рождественской иконе включает в себя звезду волхвов и показывает, что и звезда исходит от Бога — причины всякого просвещения. Луч разъясняет, что эта звезда, как написано в «Кондаке» Романа Сладкопевца, «была звездой на вид, в истинном же Богопознании была силой».

На каждой рождественской иконе, обладающей полнотой изображения, можно видеть волхвов, которые, с почтением глядя на звезду, совершают путь в Вифлеем. Можно видеть также пастухов, получивших от ангела весть о рождении Младенца. Весть, которую ангел сообщает пастухам, представителям ветхозаветного народа Божия, и наставление, через феномен веры в звезды передаваемое звездочетам, казавшимся пребывающими «снаружи», — эти вести существуют на иконе друг с другом на равных.

Примечания переводчика

1 Существует перевод Апологий I и II св. Иустина Философа, выполненный П. Преображенским в 1892 г., см., например, в кн.: «Ранние отцы Церкви. Антология. Мужья апостольские и апологеты. Брюссель, 1988.

2 В существующем переводе (Климент Александрийский «Строматы», 1892, пер. Н. Корсунского) в I-й книге «Стромат» 29 глав, в то время как автор ссылается на главы 80 и 99 I-й книги. Либо использованы разные деления текста, либо русский перевод неполный, либо ссылка ошибочна. Другие цитаты из «Стромат» в указанном переводе также не удалось найти.

3 Существует перевод на русский язык «Кондака на Рождество Христово» прп. Романа Сладкопевца в журнале: «Приходское чтение», 1912, № 33. Пер. Н. Мироносицкого.

4 Вместо фразы автора «господствует над Своими врагами» («herrscht ber seine Feinde») в Писании написано: «овладеет и погубит оставшееся от города» (Чис 24: 19) («wird der Herrscher kommen und umbringen, was übrig ist von den Städtten»).

Перевод с немецкого Ольги Силоновой

Сергей Аверинцев: Попытка говорить спокойно о тревожащем

Церковная жизнь

Известие о запрещении в священнослужении архимандрита Зинова, как и весь круг общих вопросов, с этим горестным событием связанных, обсуждается и в «церковной ограде», и за ее пределами очень горячо и страстно. Эмоционального напряжения споров нельзя не понять. Уж если кому вопрос этот вообще интересен, тот поистине задет за живое. Верующие ощущают затронутыми свои верховные ценности, каковыми являются для одних — православная идентичность, для других — христианское единение, «соединение всех», о котором молятся за Литургией, да ведь и сам о. Зинов значит для нынешних поколений верующих очень много. А у людей, Церкви чуждых, спорящие стороны ассоциируются с той или иной общественной ориентацией. И вот почти каждый говорит, выражаясь словами поэта, как «оскорбленный и оскорбитель». Что же, у меня тоже есть свои чувства. Но как раз поэтому я постараюсь принудить себя к возможно более спокойному тону, в особенности жестоко отказываясь от того, что в старину называлось — «перейти на личности». Я воздержусь также от обсуждения сложных исторических и богословских проблем, требующих неторопливости, возможной для трактата и по определению невозможной для газеты. Попробую рассуждать совсем просто.

Но, может быть, рассуждать тут православному человеку и не о чем — есть древние каноны, там все раз и навсегда сказано? В самом деле, указ псковского иерарха, запрещающий архимандриту Зинову исполнять его священнические обязанности, апеллирует в обоснование

такой кары исключительно к канонам — Апостольские правила, правила Лаодикийского, Антиохийского, Карфагенского соборов. Здесь не место ставить сложный вопрос, в какой мере каноны, т. е. нормы практического церковного поведения, могут иметь то вечное значение, которое для верующего человека безусловно имеют вероучительные основы. Будем исходить просто из того, что канонов никто не отменял, а уважение к их древности неотделимо от чувства Предания. Но как раз потому, что каноны действительно древние, т. е. составлены в такую пору, когда разделения православных и католиков не было и в помине, — о том, как должны вести себя первые именно в отношении вторых, в канонах, собственно, ничего не сказано и сказано быть не может. Там речь идет о еретиках вообще — а мы знаем, какие были тогда еретики: гностики, мировоззрение которых несовместимо с библейскими основами христианской веры, ариане, отрицавшие божественное достоинство Логоса. Что же, право Церкви, в частности, Русской Православной Церкви, в соответствии с переживаемой реальностью, с истиной вещей — решать, насколько приложимы решения, принимавшиеся в ситуации фундаментальнейших догматических споров раннехристианских времен — к новой и подвижной ситуации, создаваемой то печально знаменитыми анафемами XI в. и затем неуклонно обострившимися и окостеневшими в течение веков конфликтами, то, напротив, отменой этих анафем на нашем веку, 7 декабря 1965 г., и другими подобными обстоятельствами. С тех пор, как Священный Синод Русской Православной Церкви, пользуясь именно своим правом, принял постановление от 16 декабря 1969 г., в принципе допускающее католиков к причащению с православными («Журнал Московской патриархии», № 1, 1970, с. 5), — автоматическое применение вековых запретов в их прежней силе едва ли совместно с логикой. Мне скажут, что 29 июня 1986 г. тот же Синод отменил постановление 1969 г. Да нет, все-таки не отменил, а постановил «отложить применение» акта, ссылаясь на прагматические аргументы («практика эта не получила развития», — там же, № 9, 1986); в отношении вероучительном это совсем не то же самое, что, скажем, покаянно взять назад свое решение 1969 г. и признать евхаристическое общение с католиками за измену Православию. Об измене вере говорят другим языком. Нам не сказали: это недозволено и не может быть дозволено во веки веков. Нам говорят: мы пока, «до решения этого вопроса Православной Полнотой» (там же) откладываем решение. Оба документа Св. Синода в их противоположности друг другу зеркально отражают наш сегодняшний день, каков он есть. Это ситуация переходная, порождающая вопросы, на которые пока что нет однозначных ответов, приемлемых для всех. Ситуация разделения не преодолена — но из векового тождества себе она уже вышла. Она уже не такова, какой была хотя бы и во времена Владимира Соловьева, не говоря уже о столетиях религиозных войн.

Каковы бы ни были колебания, зигзаги, локальные инциденты, — очевидно, что отношение католической общественности к Православию сегодня нельзя даже и сравнивать с прежним. Не буду ссылаться на формулировки II Ватиканского собора и вообще на официальные документы, скажу совсем о другом, о том, чему учили и чему учат нынче молодую элиту католического клира, тех, в чьих руках предвидимое будущее католицизма. Если раскрыть «дособорные», написанные еще по-латыни учебники, например, учебник по основному богословию Г. Фельдера, 1920, суждения о православном Востоке царапают слух даже не столько недружелюбием, сколько полным отсутствием интереса и замкнувшимся в себе «триумфализмом», как это настроение нынче называется со времен Собора; а сегодня в стенах папской Грегорианы, собирающей свое студенчество со всех континентов, возможен курс лекций о русской православной духовности, для которого на время приглашают православного же профессора, — и должен засвидетельствовать, что не случилось мне видеть на Западе молодежи, настолько свободной от веяний русофобии, настолько уважительно относящейся к нашей духовной традиции, так высоко ее ценящей, так жаждущей узнать о ней что-то новое, — ах, как они вчитывались в мемуары С. И. Фуделя! — каковы были эти студенты и студентки, будущие или настоящие священники и деятельницы католических организаций. Ведь это не

парадное экуменическое действо: это незаметная академическая жизнь, по телевизору такого не покажут... Или вижу в Вене, что за углом от меня в такой-то вечер будут читать для общества католической интеллигенции лекцию о православной литургической культуре; прихожу, благо пускают свободно, сижу там единственным православным слушателем, незапланированным и никому не известным — и слышу самые высокие хвалы русскому и греческому богослужебному обиходу, живо, надо сказать, принимаемые публикой, особенно молодыми.

Не буду уверять, что так же безоблачно все вообще. Компактная гомогенная католическая реальность, якобы неуклонно следующая во всем своем составе последовательному плану, то ли злomu, то ли благому, но совершенно непротиворечивому, определяющая кошмары наших католиконенавистников и сладкие мечтания наших филокатоликов, существует именно в этих фантазмагориях, не в объективном опыте. Современные католики — очень разные. Эйфорическое видение реставративного реванша католицизма, увлекавшее умы в период между двумя войнами и произведшее впечатление на не слишком филокатолического Г. Федотова, то, что Бердяев назвал «томистским благополучием», во всяком случае, ушло. Но это — особая тема.

Совершенно естественно и неизбежно, что на вершинах церковной политики за движением вперед снова следует попятное движение. Не вижу причин на кого-либо за это сердиться. Иначе — после тысячелетнего разобщения — просто и быть не может. Рассудку нетрудно понять. Но вот для сердца — для чуткого сердца принять этот зигзагообразный ритм куда труднее. Подчас нет сил.

Вполне понятно, что для многих, как, в частности, для наших иерархов, участвующих в экуменических контактах, граница проходит именно на вопросе о евхаристическом общении: да, можно вместе молиться, можно допускать (формально запрещаемое канонами) присутствие инославных гостей на православной Литургии, но недопустимо причащаться совместно с инославными или из их рук. Трудно было бы отрицать, что для очень многих такое решение дает возможность некоего среднего пути. Евхаристия принадлежит для верующего к совсем особому уровню религиозной жизни, трансцендирующему обычную молитвенную практику, в том числе и богослужебную; евхаристическое общение — на уровень выше, чем простое соединение в молитвах, и постольку оно, как «полное» общение, резервируется для собратьев по конфессии. Однако проведение черты именно здесь, будучи осмысленным, не столь самоочевидно. Старые запреты не допускали совместно с инославными предстать перед Богом в молитве: запрет на общение евхаристическое из этой посылки вытекал. Если, с одной стороны, эта посылка отпадет, с другой же стороны, действительность католических таинств признается, — православный, причащаясь, как о. Зинон, совместно с католиками или «у католиков», причащается все же Телу Христову, а не скажем, субстанции папизма... Да, это необычно. Это, говоря на старинном языке, дерзание. Дерзание — потому и дерзание, что о приемлемости его нет согласия. Но слишком очевидно, что это не простая дерзость.

Как же быть в пору, когда очень важный вопрос остается нерешенным? Нереалистично считать, что в Русской Православной Церкви не будет людей, позиции которых в связи с этим вопросом различаются. Важно, чтобы одни терпели других — и те взаимно этих. Пусть тот, кто считает для себя евхаристическое общение с католиками исключенным, делает это не из неприязни к католикам, а только от любви к Православию и строгого послушания своим духовным предстоятелям. Пусть тот, кто находит для своей совести возможным разделить дерзание о. Зинова, руководится не индифферентизмом, не легким отношением к традиции, и уж ни в коем случае не вызовом своим иерархам и собратьям, а только преизбытком страдающей воли к единению и примирению. И пусть отношения первых и вторых строятся на

тех основах, которые предложены нам в 14 главе послания апостола Павла к римлянам. «Каждый из нас за себя даст отчет Богу. Не станем же более судить друг друга [...] будем искать того, что служит к миру и ко взаимному назиданию» (12-13; 19).

Это, собственно, все, что я имею сказать. Только еще замечание — попутно. Тем, кто дорожит конфессиональными границами как последней защитной стеной против безразличия к вопросам веры, я хотел бы напомнить, что как раз для безразличия этого непереступаемость границ между верующими — внутри всеохватывающего секулярного контекста — вполне удобна. Пусть, мол, люди разных конфессий разбредаются на несколько воскресных часов по разным приходам: week-end скоро окончится, и все они снова объединятся в обход своих вер на основе чисто мирских интересов, на работе, в делах маммоны, в политике. И молитва «о соединении всех» становится фразой, и разделение перестает быть мукой — сыны мира сего и так уже едины, только не во Христе, а вне Христа. Как подумаешь об этом, начинаешь вспоминать поступок о. Зинова как протест не просто против конфессионализма, но — неожиданно — и против индифферентизма.

Протоиерей Всеволод Шпиллер: Устав братства апостола и евангелиста Иоанна Богослова, организованного епископом Серпуховским Арсением (Жадановским)

История церкви

Вступление

Братство осознает, что только Церковь Христова является спасительным ковчегом среди гибельных волн мира. Церковь — это не только объединение многих вокруг Христа, но и «каждая душа перед Богом есть Церковь» (прп. Макарий Великий). Церковь, которая не творит дел, проповеданных Христом, не идущая вослед Ему на Голгофу, ищущая покоя и благополучия на земле, становится бесплодным деревом, которое «срубают и бросают в огонь» (Мф 7: 19).

Видя тяжелое состояние Русской Поместной Православной Церкви, братство не противопоставляет себя официальной Церкви, но верит, что само является малой, неотделимой частью ее единого Тела. Братство радуется радостям и состраждет скорбям Матери Церкви, молится о ней, ищет обрести в ее жизни то совершенство, к которому призывает нас Спаситель (Мф 5: 48).

Будучи малым стадом, собранным по воле Божией, братья и сестры в общении друг с другом стремятся приобщиться к тому единству Церкви, о котором молился Христос: «да будут все едино» (Ин 17: 21).

Благословленное епископом братство в случае потери общения с ним (смерть епископа или его заключение) не прекращает своего развития, веря в благословение и руководство Господне.

Немощные и грешные, оторванные от многовекового опыта церковной жизни, недавно призванные Богом, мы полагаем все свои надежды на Пресвятую Троицу и на встречу со Христом в таинстве Литургии. Из мрака и пустоты взываем единодушно: Ей, гряди, Господи Иисусе! Для осознания себя членом братства, для нормализации жизни внутри братства

полезно помнить следующее:

1. Братство — собрание вокруг Христа, меньшая часть Святой Церкви, обладающее всей ее полнотой. Все взаимоотношения внутри братства должны быть пронизаны свободой, которая неразрывно связана с любовью во Христе. Каждый волен осуществлять свое назначение индивидуально, но лишь совместное служение Литургии являет тайну Церкви, но лишь совместное осуществление апостольского подвига являет миру, раздираемому страстями и соблазнами, несокрушимое единство Церкви Христовой.

Братья и сестры помогают определить друг другу тот вид служения, к которому призвал его Господь, чтобы все и каждый тем даром, какой получил, служили другим (1 Петр 4: 10) к созиданию всего Тела Церкви в единстве и любви. Пребывать в Святой Церкви — значит, жить в благодати Святого Духа. Благодать же стяжается и приумножается непрестанным подвигом. Силы для своего служения ближним братство черпает в церковных Таинствах, а наипаче в Таинстве Тела и Крови Христа.

Литургия — центр жизни братства 2. О Таинстве Церкви и церковных таинствах:

Братство верит, что жизнь Церкви есть одно нераздельное Таинство, свидетелем и причастником которого становится каждый через церковные Таинства, совершаемые Христом и верными Его, народом святым, царственным священством (1 Петр 2: 4, 9, 10).

Братья и сестры стремятся к сохранению сложившихся форм церковной жизни, к выявлению в них подлинных духовных реалий, и посильно участвуют во всех общецерковных событиях и празднествах.

Таинство собрания

Жизнь братства определяется еженедельным совершением Таинства Евхаристии. Участие в литургии и причастие — не только личное дело каждого, но общее служение всех. Братья и сестры планируют свою жизнь так, чтоб она не препятствовала их участию в таинстве собрания.

Не участвующие в литургии по независящим от них причинам (тяжелая болезнь, неотложное служение, непредвиденные обстоятельства) или по благословению общины ввиду особых обстоятельств или трудов поминаются на литургии как участвующие и, по возможности, после собрания братья доставляют им Святые Дары для причастия. При невозможности передать им Святые Дары община молится о даровании им причастия Святого Духа.

В отсутствие священника на еженедельных евхаристических собраниях совершается литургия Преждеосвященных Даров. На место священника предстательствует по избранию один из членов общины. В случае отсутствия священника и невозможности совершить литургию Преждеосвященных Даров община, по общему согласию, собирается в одном избранном храме для совершения литургии.

Все собрания общины — собрания во имя Христа. Собрания во имя иных целей разъединяют общину. Все собрания общины — церковные богослужения, все совместные богослужения — общие собрания.

Таинство молитвы

Во время всех собраний непрестанная молитва друг о друге является основой общения. Братья и сестры призваны ежедневно молитвенно помянуть друг друга.

Таинство покаяния

В евхаристическом собрании братья и сестры друг перед другом исповедуют свои грехи Богу. Для особо нуждающихся возможна частная исповедь перед одним священником. Покаяние как изменение всей своей жизни — необходимый труд каждого члена общины.

Таинство приношения

Каждый приходящий в собрание общины приносит с собою все то, что по «расположению сердца» (2 Кор 9: 7) он может уделить на нужды Церкви и для помощи нуждающимся. Все приношения принимаются диаконом, который разделяет из между нуждающимися.

Принося к литургии свои просфоры-приношения (хлеб, вино, молитву, еду, деньги, книги, одежду и прочее), братья и сестры свою любовь, сами себя и друг друга, и всю свою жизнь приносят Богу.

Таинство Слова

На всех собраниях непременно читается Слово Божие. Чтение предваряется общей молитвой и завершается проповедью предстоятеля или одного из членов общины. Братья и сестры с необходимостью должны участвовать в деле евангелизации мира, дабы через Слово Божие быть свидетелями и одновременно живыми голосами Церкви в ее спасительной миссии.

Таинство Крещения и Миропомазания

Община совершает Таинства Крещения и Миропомазания лишь над детьми членов общины и над взрослыми, вступающими в братство. Над взрослыми Таинство Крещения совершается после оглашения и обучения. Таинства Крещения и Миропомазания совершаются в евхаристическом собрании после Литургии Слова.

Таинство Елеосвящения

При болезни брата или сестры, по желанию больного, община собирается для совершения над ним Таинства Св. Елея. Таинство может совершаться на еженедельной литургии по просьбе одного или нескольких братьев или сестер.

Таинство венчания

При вступлении в брак члена общины вся община собирается на литургию, на которой или после которой совершается Таинство венчания.

Таинство священства

Братство в меру возможностей готовит среди своих членов кандидата в пресвитера или в диаконы и просит епископа, дабы он по воле Божией утвердил избрание совершением Таинства рукоположения.

За отсутствием епископа (в особых случаях) община приглашает священника, который может и не быть членом братства, для предстояния при совершении таинств. Диаконское служение могут совершать по избранию общины брат или сестра, не имеющие рукоположения от епископа.

3. О воле Божией и воле человеческой

В собрании и вне собрания, в каждом деле братья не спешат испытать и утвердить свою волю, но прежде всего ищут познать волю Божию — благую, угодную и совершенную.

Все члены общины заботятся о том, чтобы общее решение о всяком деле было плодом единомыслия, но не соглашательства. За общиной признается право ограждать себя от посягательств единоличной воли и признавать таковые за зло, которому нет места в общине, ибо радость в свободном послушании, а не в подчинении воли братьев и сестер.

Братья и сестры считают для себя обязательным не предпринимать в одиночку ничего, что касается интересов братства, но только обсудив свое начинание или намерение в собрании и проверив свои устремления в Духе Святом и многом совете.

В случае разногласий принятие общего решения откладывается, чтобы после усиленного молитвенного труда продолжить обсуждение. При отсутствии единогласия по важным безотлагательным вопросам, после общей молитвы, решение предается воле Божией бросанием жребия. На такой способ решения необходимо согласие всех членов общины.

Переживая разномыслия, община видит волю Божию в сохранении единства для неосужденного совершения Таинств Церкви, для помощи нуждающимся, далеким и близким.

За братством признается право наделять полномочиями одного или группу членов для решения внутренних и внешних вопросов.

Если по какому-то вопросу в братстве нет единомыслия, то каждый братчик может выступать по этому вопросу вне общины только от своего имени.

Управление жизнью братства осуществляется принятием решения на общем собрании.

4. О вступлении в братство и выходе из него

В братство принимается каждый христианин, согласный с Уставом общины и готовый посильно выполнять его. Для вступления необходимо ручательство братчика и единодушное согласие всех после личного знакомства с кандидатом.

Брат или сестра считается членом общины после участия в евхаристическом собрании общины.

За каждым братчиком признается право в любое время покинуть братство, если он сочтет это необходимым. При выходе из общины брат или сестра призваны хранить молчание о ней. Братчики призваны не оставлять без должного внимания покинувшего общину и не исключать его из молитвенного общения. Возвращение того, кто пропал и нашелся, есть общая радость.

Братство считает необходимым заботиться о должной подготовке вновь поступающих.

5. Об открытости общины

Братство сознает себя открытым Господу, Пречистой Деве Марии, святым бесплотным силам, всем святым, церковной иерархии и всем ищущим спасения. Однако община осуществляет свои собрания в тайне от мира и не открывает свое существование тем, кто может нарушить тайну или соблазниться о ней, став вольно или невольно соучастником духов злобы и насилия.

Община считает обязательным для себя делиться за пределами общины всем тем лучшим, чему научаются они в отношениях друг с другом.

Братчики считают важным условием нормальной жизни общины ничего не бояться в мире, кроме греха, и быть готовыми к страданиям за исповедание Господа нашего Иисуса Христа.

Заключение

Братство радостно приветствует всякое уточняющее дополнение Устава или новое изложение его, если это поможет лучше выявить цель бытия общины — единение со Христом или полнее выразить в слове Тайну Церкви. Выше Устава братчики ставят жертвенность Любви Христовой, которая долготерпит, милосердствует, не завидует, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине, все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит, никогда не перестает (1 Кор 13: 4-8).

Молитва

Просим Тебя, Христос Учитель, сделать сердца наши чистыми от всякого страха человеческого, ибо в страхе неправда. Да будем свободны по воле Твоей, да будем свободны в любви Твоей, свободны во всех путях наших к Тебе, не уклони, Господи, путей наших. Дай нам крепость сердца, силу жизни и вольное дерзновение даже до смерти. Пошли изгоняющую страх совершенную любовь, совершенную любовь пошли нам, Господи, Упование и Радость мира. Господи, помоги нам, протяни руку каждому из нас и не дай погибнуть тому, что было. Укрепи соединение наше, скуй цепь нашу крепче, чтобы ничто не могло разорвать ее. Веди нас, куда знаешь, но не покинь в пустыне. Научи нас жить в Тебе, служить Тебе и умереть ради Тебя. Себя, друг друга и всю нашу жизнь научи, Господи, Тебе предавать.

(Трижды)

Господи, иже Пресвятого Твоего Духа (...)

Упование наше Отец (...)

(Трижды)

Молитва братства: Христос и свобода.

* Родился в 1874 г. По благословию о. Иоанна Кронштадтского принял монашество, в 1904 г. назначен наместником Чудова монастыря в Московском Кремле с возведением в сан архимандрита. Проявил духовные дарования и административные способности, обратил обитель в рассадник духовного просвещения для всей Москвы. Издавал «Духовные дневники», брошюры нравственного содержания, журнал «Голос Церкви» — один из наиболее живых и содержательных богословских ежемесячников. Открыл при монастыре отдел Камчатского миссионерского братства, откликнулся на нужды московского братства Святителей Московских, не раз устраивал его собрания в Чудовом монастыре. В 1914 г. хиротонисан во епископа Серпуховского, викария Московской епархии. С 1923 г. епархией не управлял. С 1927 г. (после опубликования «Декларации» митрополита Сергия) переехал на жительство в Арзамас, не принимал церковных назначений. Составил воспоминания о церковных деятелях Москвы, лично ему известных, в т. ч. об о. Алексии Мечеве (в перечне архиереев, не поминающих митрополита Сергия, владыка Сергей включен в «мечевскую» группу.) Год смерти неизвестен. (См.: Лев Регельсон. «Трагедия Русской Церкви», М., 1996. С. 560-565). По другим сведениям — после второго ареста расстрелян 27.09.1937 г. в Бутово под Москвой.

Александр Копировский: Еще об истории православных братств

История церкви

«Были бы братья, будет и братство». Эти слова известного церковного историка первой половины XX в. Антона Владимировича Карташева сейчас, на фоне глубокого кризиса братств в нашей церкви, звучат как укор. Напомним, что Архиерейский собор Русской Православной Церкви в 1994 г., а затем и в 1997 г. постановил: практически все братства должны отказаться от прав юридического лица (т. е. от самостоятельности) и полностью подчиниться настоятелю того или иного прихода. Это было вызвано крайней политизацией некоторых братств, а главное — руководителей Союза православных братств, не хотевших слышать ни о чем, кроме возрождения монархии и разоблачения «жидо-масонов». Такую позицию осудил даже прославившийся впоследствии крайне «правыми» книгами митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн (Снычев, † 1996). Из-за постоянного «шума», производимого Союзом в прессе, на собраниях и т. д., пострадало все братское движение, с таким подъемом начавшееся в 1990 г.

И все же такие формы православной жизни как братства, в отличие от светских и некоторых церковных учреждений, не могут быть ни упразднены, ни созданы только «сверху». Их основа — всегда существующие живые люди, верующие в Бога и Церковь и желающие вместе исполнять то или иное церковное служение. Но это желание не должно быть только эмоциональным. Нужно точное определение целей и форм своего служения, а они всегда выражаются в Уставе братства. Поэтому, возобновляя разговор о православных братствах, начатый нами еще в 1992 г. статьей С. Бычкова¹, мы хотели бы познакомить читателей с двумя братскими Уставами, приложенными к его статье, но тогда в нашем журнале не опубликованными.

Предваряются Уставы краткими сведениями о принципах жизни и служения православных братств в юго-западной Руси XVII в. — Львовского, Виленского, Киевского и других, поскольку эти братства впервые стали реальной духовной силой в церкви и принесли «плод многих»².

Предлагаем вашему вниманию несколько пояснений к публикуемым Уставам и приглашаем продолжить обсуждение этой темы на страницах нашего журнала всех, кто в этом заинтересован.

Православные церковные братства в юго-западной Руси — были общества, составившиеся из православных южно-русской церкви для защиты от угнетения со стороны латинян и лютеран в польских владениях.

За образец и основание приняты были примеры христианской жизни первых времен и многочисленные заповеди Спасителя и апостолов о любви, какую должны иметь христиане друг ко другу (с. 2).

Братства были терпимы правительством по взаимной сообразности их с существующими гражданскими учреждениями.

Около 1458 г. ремесленники православного исповедания, принадлежа к известному цеху, стали образовывать из себя особые общества, или братства, сперва в видах благотворения, а потом, с усилением в Литве латинства, с ближайшей и преимущественною целью — поддерживать и

защищать веру православную (с. 17-18).

Братства обыкновенно учреждались при церквях или монастырях и от них получали свое название (с. 24). Тогда же члены братства вписывали имена свои в так называемый братский каталог, или список. Каталоги эти обыкновенно начинались так: «на сие (т. е. на учреждение братства) мы все, нижепоименованные лица, люди обоих сословий, духовного и светского, согласившись одним сердцем и одними устами и целовав честной крест, каждый за всех и все за каждого, держась православия и соединившись духом пламенной любви, для соблюдения нижеписанных христианских братских повинностей и порядков, в сей братский список вписываемся» (с. 24-25) Вообще при вступлении в братство присягали в хранении тайны, в верности и послушании (с. 28).

Обязанности членов братств

- а) Все братчики должны были в известное время вносить в братскую кружку известное количество денег.
- б) Оказывать вспоможение обедневшим, разорившимся и вообще потерпевшим несчастье — вписным членам братства.
- в) Присутствовать, в назначенное время, при совершении службы Божией, во храме братском.
- г) Присутствовать при погребении умершего брата, провожать прах почившего до самой могилы и потом поминать его в установленные для этого дни.
- д) Заботиться о благолепии Церкви и монастырей, о содержании причта, хорошего проповедника и певчих.
- е) Заботиться о школах, типографиях, богадельнях и вообще о всех благотворительных братских учреждениях; и наконец
- ж) неопустительно приходить на братские сходки или собрания — это составляло главнейшую обязанность каждого братчика (с. 31).

Общим наказанием за нарушение братских обязанностей назначался штраф или деньгами, или известным количеством воска; а в братстве Львовском виновные наказывались, кроме того, еще сидением, или заключением на колокольне (с. 32).

Старшие братчики за вину свою наказывались вдвое и втрое в сравнении с младшими (с. 33).

Запрещено было оскорблять друг друга даже малейшим словом. На обыкновенную сходку братья сходились каждую неделю, тотчас после утрени, а на главную — раз в месяц (с. 35).

Дела, подлежащие рассмотрению братских собраний: 1) по охранению благочиния и порядка в братстве; 2) по благоустройству братства; 3) касавшиеся всех православных жителей юго-западной России (с. 38).

Патриарх Антиохийский Иоаким дал Львовскому братству право «обличать и наказывать непокоряющихся истине, а пребывающих в нераскаянии — отлучать от церкви» (с. 40).

При сравнении Уставов братств XVII в. с публикуемыми ниже Уставами 20-х годов нашего века видно сходство в главном — стремлении к полному единству братьев и сестер в Церкви. «Обычная» жизнь, даже христианская, православная, церковная, видится братчиками явно

недостаточной для исполнения заповедей Христа. Однако интересны и различия, часто принципиальные. Если братства XVII в., противостоящие латинству, активно строят и украшают храмы, организуют школы и т. д., то братства, созданные на заре советской атеистической власти, стараются войти в духовные глубины молитвы и таинств. При этом нельзя не увидеть, что к последнему братства подходят очень по-разному: Дмитровское — частым творением крестного знамения, чтением евангелия, соблюдением постов, причащением не реже трех раз (!) в год и т. д.

В этом традиционном благочестии дмитровские братчики оказываются гораздо ближе к своим предшественникам, жившим 300 лет назад, чем к современникам из Иоанно-Богословского братства, девиз которого — «Христос и свобода» — говорит сам за себя.

Впрочем, мы никак не хотели бы противопоставлять эти подходы — «разве разделится Христос?» Или, вспоминая другие слова апостола, — «скажет ли глаз руке: ты мне ненадобна?» Свидетельством их единства служит и то, что все три типа братств в своих Уставах не стали уделять внимания «образу врага», хотя условия, в которых они жили, провоцировали это значительно больше, чем постсоветские...

Протоиерей Всеволод Шпиллер: Устав Дмитровского братства Животворящего Креста Господня (1919 - 1920 гг.)

История церкви

Господи, благословением Твоим небесным дело наше благослови,

Силою Креста Твоего Животворящего от бед нас сохрани.

«Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» (Мф 18: 20). «Да будут все едино» (Ин 17: 21). «По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою». (Ин 13: 35).

Цель братства

Дмитровское братство Животворящего Креста Господня целью своего учреждения и существования имеет молитвенное единение верующих под кровом главной святыни всего Дмитровского края — Животворящего Креста Господня для того, чтобы в молитвенном единении почерпнуть духовные силы к созиданию своей жизни по заветам Господа нашего Иисуса Христа — служить Христу и во Христе и ради Христа ближнему.

Задачи братства и обязанности братчиков

I

Три светлых маяка всегда должны сиять пред взором братчиков:

1. Крест Христов.
2. Евангелие Христово.

3. Чаша Христова.

1. Никогда, нигде, ни при каких обстоятельствах жизни члены братства не должны стыдиться Креста Христова и не должны стыдиться веры святой православной, в которой они рождены, воспитаны, должны пожизненно исповедовать эту веру, исповедовать Господа Иисуса Христа, помня грозное прещение Спасителя на всех стыдящихся и отрекающихся от Него: «Кто исповедает Меня пред людьми, того исповедаю и Я пред Отцем Моим Небесным; а кто отречется от Меня пред людьми, отрекусь от того и Я пред Отцем Моим Небесным» (Мф 10: 32, 33).

2. Посему члены братства непременно должны носить на груди нательный крест, никогда не снимая его, никогда не разлучаясь с ним, помня всю важность значения его. Ибо что такое крест этот? Это документ, паспорт христианский, это замок Христов, запирающий двери сердца от входа в него дьявола. Нательный крест — это печать Христова, которою отмечает Христос Своих последователей, нательный крест — это первый подарок наш в день первого нашего Ангела, то есть в день крещения — подарок Самого Христа Спасителя, надетый Им на нашу грудь чрез руки священника.

3. Перед начатием каждого дела братчики осеняют себя крестным знамением, при прохождении мимо храма Божия также осеняют себя крестным знамением, и вообще возможно чаще стараться вооружать себя сим победным знамением спасения нашего.

4. Братчики, изображая на себе крестное знамение, наблюдают за собою, чтобы изображение это было истовым, благоговейным, творилось со страхом Божиим, да не будет сие знамение нашего оправдания в осуждение нам. Следят братчики за собою, чтобы, как говаривали в старину, не ломать крестного знаменья, то есть одновременно и креститься, и кланяться, а сперва перекреститься, а потом уж сделать поклон.

5. В доме каждого из членов братства непременно должны находиться святые иконы.

6. Братчики непременно соблюдают посты: среду, пятницу, Великий пост, Рождественский, Успенский и Петровский, исключение делается для больных, слабых, неимущих, у которых и хлеба-то подчас не бывает, у таковых вместо поста или острая нужда, или болезнь. Таковые в отношении постов руководствуются своей совестью.

Примечание. О посте в среду и пятницу св. Афанасий Великий говорит следующее: «Разрешающий среду и пяток, сей распинает Господа, как иудей, ибо в среду Господь был предан, а в пяток распят. Посему во дни тые сетовати и поститься подобает».

А о болящих в слове Никона черноризца читаем следующее: «От немощных телом не истяжет, не потребует Бог пощения, но только от могущих и здоровых телом, свыше сил Бог ни от кого не потребует».

7. Отходя ко сну, братчики, по прочтении вечерних молитв, все четыре стороны своей комнаты осеняют крестным знамением, читая молитву: «Иже Крестом ограждаеми, врагу противляемя, не боящиеся того коварства, ни ловительства, яко же бо гордый упразднися и поправ бысть на древе, силою распятого Христа». Этой же молитвою осеняют и кровать свою.

II

1. Братчики непременно должны иметь у себя святое Евангелие, полагая его в переднем углу и у святых икон, памятуя, что и один взор на святое Евангелие отрезвляет душу. От Евангелия трепещут демоны.

2. Братчики ежедневно-неопустительно читают Евангелие, кто сколько может, и всякий раз перед чтением Евангелия молятся следующей молитвою св. Иоанна Златоустого: «Господи Иисусе Христе, отверзи мои очи сердечныя, разумети и творити волю Твою. Яко пришелец есмь на земли, не скрый от мене заповедей Твоих, но открой очи мои, да разумею чудеса от закона Твоего; скажи мне безвестные и тайные премудрости Твоея. На Тя уповаю, Боже мой, да просвети мой ум и смысл светом разума Твоего, да не во грех будет мне чтение святого Евангелия, но в обновление и просвещение и в святыню, и в спасение души, и в наследие жизни вечной, яко Ты еси просвещающа лежачие во тьме и от Тебе есмь всякое даяние благо и всяк дар совершен». По окончании чтения Евангелия осеняют себя крестным знамением, целуют Божественные слова Евангелия и, ограждая себя самим Евангелием и прикладываясь к нему, говорят: «Слава Тебе, Господи, Слава Тебе! Помоги мне, Господи, не точию читать слово Твое Божественное, но и жить по нему».

Примечание. Неграмотные и малограмотные стараются по возможности со вниманием слушать слово Божие.

3. Братчики, отправляясь куда-либо, непременно берут с собою Евангелие и в дороге, если возможно, читают Его.

4. Особенно должны стараться братчики проводить в жизнь самую основную евангельскую заповедь: «Любите друг друга».

5. Посему между братчиками не должно быть вражды, ссор, каких-либо в гневе делаемых угроз, прещений, особливо побоев, ударов, толканий и вообще всяких грубых выходов, свидетельствующих о потере не только христианского, но и просто человеческого достоинства и низводящих человека в разряд грубых животных и диких зверей. Апостол Павел завещает: «Солнце да не зайдет в гневе вашем».

6. Среди братчиков нигде, никогда, ни в каких случаях не должно быть произносимо ни черное слово, ни матерное, ни вообще какое-либо ругательное, памятуя, что язык христианина омочается в Пречистой Крови Господней, уста его касаются Чаши Христовой, Креста Христова, икон святых, можно ли после этого произносить ругательное слово? Посему и говорит ап. Павел: «Слово гнило да не исходит из уст ваших». И ап. Иаков, брат Господень, поучает: «Язык — неудержимое зло; он исполнен смертоносного яда. Им благословляем Бога и Отца, и им проклинаем человеков, сотворенных по подобию Божию. Из тех же уст исходит благословение и проклятие: не должно, братия мои, сему так быть. Течет ли из одного отверстия источника сладкая и горькая вода? Не может, братия мои, смоковница приносить маслины или виноградная лоза смоквы. Также и один источник не может изливать соленую и сладкую воду. Где зависть и сварливость, там неустройство и все худое» (Иак 3: 8-12,16).

7. Все должны быть удалены и даже не именоваться тяжкие греховные дела: блуд, прелюбодействие, пьянство, ворожба, гадания, колдовство, азартная и карточная игра и т. п. Гнев Божий поражает творящих сие.

8. Братчики удаляются от чтения безбожных, антирелигиозных и безнравственных книг, памятуя следующее предостережение одного святителя (Игнатия Брянчанинова): «Истине соприсутствует Дух Святой, потому что Он Дух истины. Лжи соприсутствует и содействует дух дьявола, который ложь и отец лжи». Читающие охотно книги лжеучителей приобщаются непременно лукавому темному духу лжи. «Никто да не читает, — сказал св. мученик Петр Дамаскин, — неслужащего к угождению Божию, если и прочтет когда что таковое в неведении, то да подвижется скорее изгладить из памяти чтением Божественного Писания, противных ему книг никак да не читает. Какая нужда принять духа нечистого вместо Духа Святого?»

Братчики избегают посещения зрелищ, носящих безнравственный, легкомысленный характер.

9. Сыновняя преданность св. православной церкви и послушание всем ее узаконениям — прямой долг братчиков.

10. Братчики всячески стараются избегать греха осуждения, памятуя завет Христов: «Не судите, да не судимы будете». «Несуждение — без труда спасение».

III

1. Члены братства обязаны следить за собою, за своим внутренним духовным состоянием и ежедневно давать отчет пред Богом и своею совестью, как проведен день, что было сделано или сказано или подумано греховного, нехристианского, и во всем дурном приносить Господу мысленно раскаяние; это домашняя ежедневная исповедь перед очами невидимо присутствующего и всевидящего Господа.

2. Члены братства обязаны возможно чаще исповедоваться перед духовным отцом своим и причащаться Св. Таин непременно 3 раза в год: в Великий пост, в Рождественский и в день своего Ангела. Хорошо и в остальные посты. А желающие, особенно больные, слабые, немощные могут приступать к исповеди и Св. Причащению и ежемесячно. По временам для братчиков устраивается общая исповедь.

3. Божественная литургия в сознании братчиков должна быть великим богатством, драгоценным сокровищем, которым они дорожат, научаются ее ценить и любить, пользуясь всяким случаем, чтобы побывать на Божественной литургии, особливо в дни праздничные и воскресенья.

4. Дмитровский собор должен быть для братчиков родным, нужды собора должны быть им близки, отзываться всякий раз в сердце откликом сочувствия. Братство содействует приходскому совету в обеспечении собора всем необходимым.

5. Братчики принимают участие в общенародном пении, в церковном чтении, каковое и стараются изучать под руководством опытных в сем деле людей.

6. Братчики берут на себя труд, одни по наблюдению чистоты в соборном храме, другие по оправлению лампад и расстановке свечей у святых икон, другие берут на себя труд поддерживать духовную дисциплину в храме, следят в том числе и за поведением в храме детей.

7. Из числа братчиков, способных и имеющих к тому призвание, оказывать помощь больным, преимущественно бедным детям. Сообразно с этим братство осуществляет следующие задачи:

а) уход за неимущими больными на дому,

б) забота о беспомощных членах семьи, оставшихся без попечения во время болезни родителей или кормильцев семьи,

в) материальная помощь.

В этом принимают участие из числа братчиков особые сестры, деятельностью которых управляет старшая сестра, избираемая из их среды.

Дополнение к Уставу

1. Советуется братчикам, которым не препятствуют исполнять это условия жизненной обстановки, всякий раз при выходе из своего дома встать перед иконами, осенять себя крестным знаменем с такими молитвами: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, реки о Себе Самом «Аз есмь путь», Сам управи ныне путь мой во славу Твою, яко да не согрешит Тебе».

«Богородице Дево, радуйся, Благодатная Мария, Господь с Тобою, благословенна Ты в женах и благословен плод чрева Твоего, яко Спаса родила еси душ наших».

«Ангеле хранителю мой Святыи, от всякого зла сохрани мя».

«Иже Крестом ограждаеми, врагу противляеми не боящиеся того коварства, ни ловительства, яко же бо гордый упразднися и погран бысть на древе силою распятого Христа», — осеняя при этом крестным знаменем себя, а также и путь свой.

2. Советуется также при возвращении в дом, став перед иконами, помолиться, читая: «Достойно есть, яко воистину блажити Тя Богородицу, Присноблаженную и Пренепорочную, и Матерь Бога нашего. Честнейшую Херувим и славнейшую без сравнения Серафим, без истления Бога Слова рождшую, сущую Богородицу Тя величаем».

«Слава Отцу и Сыну и Святому Духу, и ныне и присно и во веки веков. Аминь».

«Господи, помилуй (3). Благослови».

«Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, молитвами Пречистыя Твоя Матери, силою честнаго и Животворящего Креста, святого (имя святого) и всех святых спаси мя грешную или грешного».

3. При посещении своих родных, близких, знакомых братчики, входя к ним в дом, прежде чем поздороваться, трижды должны помолиться перед иконами и потом уже здороваться. Где и кому возможно, желательно, но не обязательно, исполнение и следующих правил, касающихся вкушения пищи:

Перед обедом кто-либо из членов семьи становится вперед перед иконами и ясно, громко, отчетливо читает: «Отче наш...», «Слава, и ныне», «Господи, помилуй (3). Благослови». Затем отец или мать или кто старший в семье осеняет крестным знаменем трапезу, говоря: «Христе Боже, благослови ястие и питие рабом Твоим, яко свят еси и ныне и присно и во веки веков. Аминь».

После обеда: «Благодарим Тя, Христе Боже наш...»

Где большое семейство, устанавливается очередь чтения молитвы

Владимир Соловьев: О духовной власти в России

История церкви

В последнем пастырском воззвании Св. Синода оплакивается пагубное нравственное состояние России и подробно перечисляются все грехи и беззакония, которым мы подпали: безверие, нерадение, своекорыстие, необузданное вольномыслие, гордость, любостяжание, жажда удовольствий, невоздержание и зависть. Упреки справедливые, и никто не вправе отклонить их

от себя. Но поистине прискорбное недоумение вызывается тем, что св. синод, оплакивая бедственное положение России и пространно говоря по этому поводу о нравственных болезнях, присущих всему естеству человеческому со времени грехопадения, ни единым словом не касается того особенного великого недуга, который удручает ныне русский народ в его целостности и составляет истинную причину тягостного его положения. Странно и прискорбно такое умолчание не только по важности дела, но и потому, что этот великий народный недуг ближе касается иерархии русской церкви, находится в области ее прямого ведения и от нее прежде всего может и должен ожидать своего врачевания.

Помимо всех грехов и беззаконий в отдельных лицах и сословиях, русский народ в своей совокупности духовно парализован; нравственное единство его нарушено, не видно в нем действий единого духовного начала, которое бы, как душа в теле, внутренне управляло всею жизнью. Для России, как народа христианского, такое верховное начало жизни дано в истине Христовой. Духом, животворящим наш общественный организм, должен быть Дух Христов, дух любви и свободного согласного единения; им же должен определяться и высший идеал для всего общественного строения России. Если Россия не по имени только, но воистину есть страна христианская, то в основе ее общественной организации и жизни должно лежать нравственное свободное единение людей во Христе, образующее духовное общество, или церковь.

Церковь есть «собрание верующих». Верующих во что? Прежде всего в Бога христианского, Который есть Любовь. Но можно ли воистину верить в Любовь, не имея в себе любви? Итак, церковь не есть собрание верующих только, но собрание любящих. Любовь же не может быть бездейственна, и союз любви в человечестве или в отдельном народе, т. е. церковь, не может замкнуться в круге религиозного культа, не может оставаться равнодушным к внешней жизни, ко всем делам и отношениям человеческим. Любовь есть сила беспредельного расширения, и церковь, на любви основанная, должна проникать во всю жизнь общества человеческого, во все его отношения и деятельность, ко всему нисходя и все до себя возвышая. Существовая во внешней среде гражданского общества и государства, церковь не может обособиться и отделиться от этой среды, но должна воздействовать на нее своею духовною силою, должна привлекать к себе государство и общество и постепенно уподоблять их себе, проводя свое начало любви и согласия во все области человеческой жизни. И как особое орудие или орган такого воздействия церкви на мирское общество существует учреждение духовной власти, или иерархия церковная. Сия иерархия особенно предназначена своим авторитетом и влиянием служить духовному объединению человеческого общества, вводя присущее церкви начало любви в жизнь гражданскую и дела государственные, и не словами только молясь, но делами заботясь о том, чтобы имя Божие свяtilось в людях, чтобы Царствие Божие пришло в мир и чтобы воля Божия исполнилась не на небе только, но и на земле.

Так должно быть по правде, но не то мы видим на деле. Не говорю о мире западном, где церковь в папстве заменила Христа папою, а в протестантстве отреклась от самой себя; не говорю и о христианском Востоке, где она, подавленная долго временным рабством, не могла проявить своих сил. Но если Запад не православен, а Восток не свободен, то что сказать о православной и свободной России?

Вот уже более двух столетий как русская церковь вместо того, чтобы служить основой истинного единения для всей России, сама служит предметом разделения и вражды. Значительная часть русского народа, разделившись на множество сект, враждебно спорит между собою о вере и сходится лишь в общем отрицании «господствующей» церкви. И иерархия русской церкви вместо того, чтобы и вне церкви действовать великою силою любви, отрешилась от нее внутри себя: стремясь принуждением возвратит к единству отпавших,

произвела еще большее разделение; пытаясь насильем утвердить свой верховный авторитет, подвергается опасности совсем его лишиться.

Россия как страна христианская ищет жизни в Церкви Христовой, но церковь русская обессилена расколом церковным и, прежде чем животворить, сама нуждается в оживлении. Вот чем глубоко страдает вся Россия, вот ее великий недуг, о котором забыл упомянуть св. синод в своем перечне наших нравственных болезней.

Воистину справедливо и по-христиански мудрствует св. синод, приписывая все наши бедствия грехам нашим и беззакониям. Сеющий грех пожнет беду.

Этот вечный нравственный закон имеет силу не только для отдельных лиц, но и для целых обществ и учреждений человеческих, поскольку они живут и действуют как существа собирательные и, следовательно, могут и грешить, т. е. уклоняться от своего назначения. Но и единичные, и собирательные существа не во всем своем составе равномерно ответственны за действия и страдания свои. Так, если кто поднимет руку свою на обиду своего ближнего, то ответственность за это падает не на руку, а на голову его. Точно так же и в обществах человеческих есть центральные и правящие органы, которым принадлежит движущее начало в жизни этих обществ и которые поэтому несут ответственность за их судьбу. Итак, если русская церковь и в ней вся Россия страдает великим и бедственным недугом церковного раскола и бессилия духовной власти, то не есть ли причина этого бедствия какой-нибудь грех самой этой власти, представляющей движущее начало в жизни церковной? Церковь Христова свята и непорочна, но иерархия российская, без сомнения, может погрешить, может уклониться от долга и призвания своего и тем навести управляемую ею церковь на путь величайших бедствий. И не нужно нам останавливаться на предположениях о возможности такого уклонения, когда история явно свидетельствует о его действительности.

Было время, когда духовная власть в России, хотя и скудная деятельными силами, представляла, однако, христианское начало в обществе и, верная своему призванию, обладала общепризнанным нравственным авторитетом. Не соперничая со властью государственной, но и не унижаясь перед нею, не потворствуя дурным инстинктам народа, но и не отчуждаясь от него, она и в глазах государства, и в глазах народа действительно занимала должное ей высокое положение. Благодаря этому древняя Россия, несмотря на отсутствие просвещения и дикость нравов, обладала зачатками правильных общественных отношений и здоровой всенародной жизни. Какова бы ни была печальная и мрачная действительность старой России, народ не мог в ней погрязнуть, пока крепка была у него вера в нравственное начало иной жизни и пока были среди него властные люди, служившие этому нравственному началу и представлявшие в глазах народа верный, хотя бы и не полный, образ этой истинной жизни. И мирская государственная власть, добровольно признавая высший, чисто нравственный авторитет власти духовной и опираясь на него, сама получала нравственное значение и внутреннюю силу.

Когда ныне говорят о тесном единении государства и земли в древней России, о взаимном доверии и согласии государя и народа, выразившемся на земских соборах, то не должно забывать, на чем основывалось это единение, откуда исходил нравственный авторитет государя, позволявший ему и безбоязненно созывать земские сборы, и охотно выслушивать их мнения. Это согласие государства и земли, правителя и народа, основывалось на том, что они одинаково преклонялись перед общим духовным авторитетом христианского начала; начало же это имело в обществе твердых и верных выразителей в лице иерархов церковных. Таким образом, сила народная и власть государственная приводилась в согласие третью, высшею тех двух, нравственною силою церкви. Общественная жизнь России двоилась, но не распадалась на государство и земство, благодаря этому третьему высшему началу, освящавшему и волю

народа, и деятельность правительства, ставя для них обеих единую вечную цель — водворение правды Божией на земле. И если государство охраняло землю Русскую, то его самого охраняли святители русской церкви. Митрополит Алексей, ради блага Русской земли едущий ходатаем в орду и силою своей святости, явной и для неверных, спасающий князя московского, — вот истинный исторический символ русских общественных основ.

Московские государи по благословию святителей служили земле Русской. В этом благословении они почерпали свой нравственный авторитет, свою твердость в деле правления, свое доверие к народу, выразившееся, между прочим, в земских соборах. Вот почему тот самый государь, который первый возмутился против нравственных требований духовной власти и не захотел ее правде подчинить свой произвол, он же впервые потерял доверие к народу, отделился от земли. Иван IV, замучивший митрополита Филиппа, убоялся земли и из страха перед землею завел опричнину. И однако же злодеяния Ивана IV не имели рокового значения в русской истории, не замутили источника народной жизни; напротив, они дали ему случай обнаружить свою силу. Между Иваном IV и св. Филиппом не было ни спора о власти, ни каких-либо личных счетов. Святитель исполнил свой долг как представитель нравственного принципа, обличая царя, изменившего этому принципу, и, как носитель духовной силы, не побоялся физического насилия и смерти. Беззаконие царя было торжеством святителя. В Иване IV государственная власть сошла со своих нравственных основ, но народ не потерял ничего существенного, ибо существенное для него — это духовная сила, святость, и этот высший идеал получил лишь новый блеск в глазах народа от крови святителя, умершего за святое дело.

Митрополит Филипп оправдал веру народную, не посрамил христианского знамени, и вот, несмотря на весь погром Ивана IV, народ остается спокоен. По русскому чувству еще можно было жить при Иване Грозном. Отчего же через сто лет при «тишайшем» Алексее Михайловиче значительная часть русского народа вдруг почувствовала, что жить нельзя, и в отчаянии бросилась в леса и пустыни, и полезла в горящие срубы? Что же такое случилось? Этим людям показалось, что случилась величайшая на земле беда, что архиереи уклонились в латинство, не стало истинной духовной власти в православном мире, наступило царство антихристово; на престол митрополита-мученика сел патриарх-мучитель, сам принял латинство и других к тому силою принуждает.

Так говорят раскольники. На самом же деле, хотя никто и не переходил в латинство, однако совершенно несомненно, что со времени патриарха Никона и по его почину иерархия русской церкви, оставаясь по вере и учению православною, усвоила в своей внешней деятельности стремления и приемы, обличающие чуждый, не евангельский и не православный дух.

Патриарх Никон не переходил в латинство, но основное заблуждение латинства было им безотчетно усвоено. Это основное заблуждение состоит в том, что духовная власть признается сама по себе как принцип и цель. Между тем, поистине, она не есть принцип и цель в мире христианском. Принцип есть Христос, а цель — Царствие Божие и правда его. Духовная же власть есть лишь необходимое в земном состоянии церкви орудие для возможного достижения этой цели, т. е. для водворения правды Божией на земле, а истинный авторитет и права духовной власти прямо зависят от верного ее служения правде Божией и суть естественное следствие и принадлежность такого служения. Иерархи церковные преимущественно перед всеми христианами должны заботиться о том, что единое есть на потребу, зная, что все прочее приложится им. И древние иерархи русской церкви знали это, и потому, действуя властно на благо земли, они не выставляли своей власти как особого принципа и не заботились о правах своих. Действительно, представляя собою то духовное христианское начало, которому верила и поклонялась вся Россия, правительство церковное тем самым находилось в неразрывном

внутреннем единстве с народом и государством как одушевляющая сила их собственной жизни и, следовательно, никак не могло противопоставлять себя им и тягаться с ними, не могло соперничать с государством или угнетать народ. Патриарх Никон первый решительно обособил духовную власть в России, поставил ее как что-то отдельное, вне народа и государства, и этим неизбежно вызвал чуждые и враждебные отношения между ними. С тех пор распалось нравственное единство России, и возникло то духовное безначалие, в котором мы и доселе находимся; ибо с отделением духовной власти, изменившей своему призванию, народ и государство лишаются руководящего начала их общей жизни, внутренний смысл и цель этой жизни теряют из виду.

Патриарха Никона обыкновенно обвиняют в чрезмерном возвеличении духовной власти; поистине следует упрекнуть его в противном; чрезмерно возвысить духовную власть нельзя, ибо она по существу есть высшая власть в мире. «Вся предана Мне Отцом Моим», — говорит Основатель и вечный Первосвященник Церкви, передавший верным Апостолам Своим власть взять и решить на небе и на земле. Возвеличить духовную власть нельзя, но можно унижить и исказить ее, отделяя ее от того, чему она служит, ради чего существует и чем освящается, — от любви и правды Божией. Отделенная от своего божественного содержания, духовная власть становится случайною историческою силою на ряду с другими такими же силами, с которыми ей и приходится неизбежно тягаться. Понимаемая как верховная власть в юридическом смысле, она прежде всего сталкивается с существующею верховною властью церкви. Соперничество и тяжба с царем составляли главную задачу жизни для патриарха Никона. Патриарх стал писаться «великим государем» наряду с царем*, вмешивался в военные и дипломатические дела и во все подробности управления. Но неужели такое соперничество и такое хлопотливое вмешательство в мелочи государственной жизни служили к возвеличению духовной власти, а не к унижению ее? Неужели верховный первосвященник русской церкви, представляющий в ней Небесного Царя и Первосвященника, неужели он мог получить новое освящение своему великому званию от титула земной власти? И если сам Никон в своей оправдательной записке, следуя средневековым католическим писателям, сравнивает отношение духовной и мирской власти с отношением солнца и луны, то не явное ли это противоречие с его собственною деятельностью? Разве солнце соперничает с луною или ищет ее света, а не само дает ей свет? Духовная власть не однородна и не соизмерима с мирскою; она должна освящать и направлять эту последнюю, но не может спорить с нею о преобладании. Христос не соперничал с кесарем и не боролся с ним, и истинные представители Христова Царства никогда не соперничали с властями земными. Не соперничал с князем московским митрополит Алексей, а покровительствовал ему; не соперничал с Иваном Грозным митрополит Филипп, но властным словом обличил его и мученичеством своим показал истинное превосходство духовного начала. Святители православные не тягались и не боролись с мирскою властью — тягались и боролись с нею издавна римские папы, и если бы мы даже не имели прямых свидетельств о сочувствии патриарха Никона папству, одни его отношения к царю достаточно показывали бы, чей дух внесен им в русскую иерархию.

Потянувшись за приманкою земной власти, иерархия обнаружила первое уклонение от своего истинного призвания; за ним последовало второе, еще более решительное. Отступивши от христианского идеала, иерархия тем самым роняет свой нравственный авторитет в глазах христианского народа, теряет свою внутреннюю духовную связь с ним — ей остается только внешний принудительный авторитет. Такой авторитет, как нечто чуждое, вызывает несогласие и протест. Но иерархия, раз ставши в положение внешней власти, смотрит на несогласие с собою как на преступное возмущение и отвечает на него преследованиями и казнями. В защиту авторитета и единства церковного воздвигаются плахи и костры; духовной власти нужна не только корона, но и меч государственный.

Когда Апостол Петр в саду Гефсиманском вынул меч в защиту Христа, Христос остановил и осудил его. В защиту ли Христа вынула свой меч русская иерархия? На Христа ли нападали раскольники? Или патриарх Никон со своими исправленными книгами был дороже Христа? Или протопоп Аввакум с товарищами были хуже рабов первосвященнических? Кого и что ограждали застенками и кострами русские архиереи, пусть они сами скажут, — послушаем их собственное признание:

В 1682 г., во время стрелецкой смуты, один из старообрядцев, Павел Даниловец, сказал, обращаясь к патриарху Иоакиму: «Правду говоришь, святейший владыко, что вы на себе Христов образ носите; но Христос сказал: «Научитесь от Мене, яко кроток и смирен сердцем», — а не срубам, не огнем и мечом грозил. Велено повиноваться наставникам, но повелено не слушать и Ангела, если не то возвещает. Что за ересь и хула двумя перстами креститься, за что же тут жечь и пытаться?» И что же отвечает патриарх? Мы за крест и молитву не жжем и не пытаем, жжем за то, что нас еретиками называли и не повинуются св. церкви, а креститесь как хотите».

Вот из-за чего носители образа Христова проливали кровь христианскую, вот за что мучили и жгли тысячи христиан, как в злейшие времена языческих гонений. «Нас еретиками называете, а креститесь как хотите». Иезуиты говорят: живите и веруйте как и во что хотите, только признавайте папу.

Великие святители православной церкви вообще не славились гонениями на еретиков. Такими гонениями издавна славилось папство, и тут опять несомненно, чьи предания были усвоены русской иерархией со времен Никона.

Хорошо было бы все это забыть, как дела давно минувшие. Но, к несчастью, русская иерархия доселе не отказалась от латинского начала религиозного насилия, внесенного в нее Никоном. После того, как московский собор, осудив лицо Никона, не только подтвердил доброе дело исправления книг, но своими злосчастными клятвами как бы освятил и тот пагубный дух насилия и деспотизма, с которым Никон вел это дело, преемники низложенного патриарха решительно пошли по его следам, умножая кровавые гонения на раскольников. Вскоре формы этих гонений смягчились, но и смягчение это произошло по почину не церкви, а светской власти. Когда Петр Великий, по соображениям государственной выгоды, заменил казни раскольников фискальными против них мерами, когда, затем, Петр III, Екатерина II, Александр I и Александр II, по личным побуждениям человеколюбия и веротерпимости, все более и более ослабляли религиозные преследования, иерархия не только не руководила ими в этом, но и задерживала их добрые начинания, ревниво охраняя латинское начало принуждения в делах веры и совести. Этим духовная власть решительно признала, что она опирается не на внутреннюю нравственную силу, а на силу внешнюю, вещественную. Но иерархия, отделившись от всенародного тела, сама по себе не имеет и вещественной силы. Она должна искать ее у того же светского правительства, обладающего материальным могуществом, но для этого ей нужно отказаться от своей независимости, пойти в услужение к светской власти. И русская иерархия не замедлила совершить этот третий грех против своего великого призвания. Вместо того, чтобы поучать и руководить мирское правительство в истинном служении Богу и земле, она сама как бы пошла в услужение к этому правительству. Сначала, при Никоне, она тянулась за государственную корону, потом крепко схватилась за меч государственный и наконец принуждена была надеть государственный мундир.

Чужое семя, пересаженное Никоном на почву русской церкви, произросло в течение двух столетий, и теперь мы можем судить о нем по его всходам.

Явное бессилие духовной власти, отсутствие у нее общепризнанного нравственного авторитета

и общественного значения, безмолвное подчинение ее светским властям, отчуждение духовенства от остального народа и в самом духовенстве раздвоение между черным, начальствующим, и белым, подчиненным, деспотизм высшего над низшим, вызывающий в этом последнем скрытое недоброжелательство и глухой протест, религиозное невежество и беспомощность православного народа, дающая простор бесчисленным сектантам, равнодушие или же вражда к христианству в образованном обществе — вот всем известное современное положение русской церкви.

За эти два столетия, несмотря на личные заслуги и святость многих иерархов, скрытый яд чуждого начала, проникший в церковное правительство, помешал ему проявить христианскую деятельность в жизни общественной. Те же узы чуждого духа отняли у нашей учащей церкви плодотворное действие в области духовной науки и просвещения.

В то время как на Западе ум человеческий, возмущенный насилиями и ложью католичества, отрешился от религиозного начала и, развивши свою самостоятельность, создал вне христианства отвлеченную рациональную философию и натуралистическую науку, против которых все усилия католической теологии оказались безуспешными, что делали наши православные богословы? Повторяли положения и аргументы той самой католической теологии, которая уже явно оказалась несостоятельной, или же робко примыкали к менее резким формам рационализма в богословии протестантском. А между тем наша церковь хранит неискаженную догматическую истину христианства, и на наших богословах лежала прямая обязанность, ввиду великого умственного развития Запада, проникшего и в русское общество, показать, что христианская истина не боится мысли и знания человеческого, что, отрекаясь от себя, она может воспользоваться всеми произведениями ума, может сочетать веру религиозную с свободною философскою мыслью и откровения божественной жизни с открытиями человеческого знания. Задача великая, но авторитетные богословы православной церкви даже и не ставят этой задачи. И вот, несмотря на личные таланты и ученость многих иерархов, несмотря на многие полезные ученые труды нашего духовенства, самостоятельной духовной науки не существует в России, русское богословие ничего существенного не привнесло к сокровищам духовного знания, завещанным ей Востоком, и доселе держится исключительно на определениях и формулах VII и VIII века, как будто с тех пор ничего не произошло, как будто со времен последних великих учителей Востока, св. Максима Исповедника и Иоанна Дамаскина, ум человеческий не поднимал новых вопросов и сомнений и как будто, наконец, ново-европейская философия и наука не представляют для современных православных богословов такой же умственной пищи, какую находили в древней греческой философии великие богословы прежних веков.

Это умственное бесплодие не может быть поставлено в прямую вину русской иерархии; оно служит лишь признаком ее упадка. Прямая же ее вина в том, что она уклонилась от своего общественного призвания, от того, чтобы проводить и осуществлять в обществе человеческом новую духовную жизнь, открывшуюся в христианстве. Ибо не может отказаться от этой великой общественной задачи церковь как союз общественный, соединяющий людей глубочайшею и могущественнейшею в мире связью — религиозною.

Утверждать, что христианское духовное начало не должно входить как руководящая сила в жизнь общественную, а через нее и в деятельность государственную, утверждать, что там ему не место, — это значит отрицать церковь как общественное учреждение. Но иерархи православные отрицать церковь не могут, не могут отрицать, что она должна воздействовать на общество человеческое в духе Христовом, проникая и перерождая этим Животворящим Духом все формы и отношения общественные. Не могут они отрицать и того, что видимым проводником этого духовного воздействия на землю и государство должно быть прежде всего

духовное правительство, сосредоточивающее в себе деятельные силы церкви. Итак, что же сделало русское церковное правительство для исполнения этой задачи? Где и в чем проявило оно в два последние столетия свое благотворное воздействие на русское общество и государство? В эти два века в России немало было сделано успехов общественных: крепостное рабство постепенно смягчалось и наконец совсем упразднено, смягчались уголовные законы, уничтожены пытки и почти уничтожена смертная казнь, допущена некоторая свобода исповедания. Все эти улучшения, без сомнения предпринимались в духе христианском, и между тем представляющая христианское начало в обществе власть духовная никакого участия во всем этом не принимала. Можно ли указать, в каком добром общественном деле в России за последние два века видно было деятельное участие иерархии? Кто же виноват после того, если все эти добрые начинания мирской власти, лишенные высшего руководства духовного начала, не привели к положительным результатам и, разрушая зло, не создали добра? Кто виноват, что народ, освобожденный государством, но не находящий достаточного руководства со стороны церкви, предоставлен собственным темным инстинктам? И что же мудреного, наконец, если в этом народе те, у кого духовная потребность сильнее, идут в раскол, а у кого слабее — в кабак?

Правда, положение России бедственно. И неужели духовное правительство России, возлагая на всех нас вину ее бедствий, с себя одного ее сложит? Христос спас душу человеческую и Церкви Своей завещал спасать народы и все человечество. Но вот народ христианский находится на пути гибели. И кто же решится обвинить его, обвинить в лице тех людей, которые, во тьме невежества и в постоянной борьбе с материальной нуждой, все-таки более всех нас сохраняют и веру Христову, и стремление жить по-Божьи? Неужели мы обвиним убогих, незнающих и безвластных, а тех, кто свободен от нужды и знает истину и имеет в своих руках власть действовать во имя ее, — оправдаем? Да избавит нас Бог от такого лицемерия.

Без сомнения, существующая церковная власть не ответственна за исторические грехи своих предшественников. Это есть пагубное наследство, от которого она должна отказаться. Церковь православная утверждает на предании, но на предании истины, а не на предании лжи. Любовь к предкам и истинная связь с ними состоит не в подражании их грехам, а в старании искупить их своими добрыми делами. Если же всякое предание свято, тогда не нужно нам проповедывать Евангелия язычникам, которые стоят на своем отеческом предании. Если всякое предание свято, тогда поклонимся и папе римскому, который твердо держится своего антихристового предания.

Воистину дурное предание тяготеет и над иерархией русской церкви, но ей от него отрешиться легче, чем иерархии западной, которая свое заблуждение возвела в догмат. Восточная же иерархия хотя и отклонилась в своей деятельности от Духа Христова, но не восстала против него сознательно и не поставила себя на место Христа. И если в известную историческую эпоху духовная власть в России усвоила себе чуждые, неправославные стремления, то почему же в другую эпоху она не может отказаться от них и вернуться к своему призванию? Воистину может и должна.

И не нужно для этого никаких внешних чрезвычайных мер, ни восстановления патриаршества, ни созвания вселенского собора. Если многовластие — не благо, то и единовластие само по себе — не спасение. Единовластие пап не спасло же римскую церковь от заблуждения, а, напротив, привело к нему, и единовластие патриаршеское на предохранило русскую церковь от греха при Никоне, а скорее способствовало к нему. Дух Христов может одинаково действовать и через одного, и через многих. Сей дух требуется восстановить в иерархии Русской церкви как сущность и основание ее власти. Он же покажет и лучшие для нее формы.

И вселенский собор собственно для возрождения русской церкви не нужен: грех не на

вселенской, а на русской церкви, и прежде всего она сама должна от него очиститься.

Поместный собор 1667 г. в Москве своими клятвами утвердил разделение русской церкви и подорвал истинное значение духовной власти. Такой же поместный собор должен снять эти клятвы и открыть раскольникам путь к воссоединению с церковью.

Собор русской церкви должен торжественно исповедать, что Истина Христа и Церковь Его не нуждаются в принудительном единстве форм и насильственной охране и что евангельская заповедь любви и милосердия прежде всего обязательна для церковной власти. Собор русской церкви, признав эту заповедь за высшее правило деятельности, должен ходатайствовать и перед светским правительством об отмене всех утеснительных законов и мер против раскольников, сектантов и иноверцев.

Наконец, собор русской церкви, признавши, что истинная вера не исключает разумного убеждения и не боится свободного исследования, должен отказаться от духовной цензуры как принудительного учреждения, оставив за церковью ее неотъемлемое право или лучше обязанность произносить свое порицание и осуждение всем тем мнениям, публично выраженным, которые противоречат православной христианской истине.

Отказавшись, таким образом, от внешней полицейской власти, церковь приобретет внутренний нравственный авторитет, истинную власть над душами и умами. Не нуждаясь более в вещественной охране светского правительства, она освободится от его опеки и станет в подобающее ей достойное отношение к государству.

Мы знаем, что в неправославной части христианского мира церковь и государство или стремятся поглотить друг друга, или же стараются так разграничить свои сферы, чтобы совсем не касаться друг друга в полном взаимном равнодушии, согласно теории свободной церкви в свободном государстве. Теория благовидная, но по существу несостоятельная и к правительству христианского народа во всяком случае неприменимая. Ибо не может христианское правительство быть свободно от истины христианской и, следовательно, не может быть равнодушно к церкви, представляющей эту истину на земле.

Если гражданское правительство действительно признает высший авторитет христианского начала, то оно неизбежно желает руководиться им в своей деятельности и таким образом становится во внутреннюю нравственную зависимость от церкви, поскольку она воплощает в себе это христианское начало. И если такое правительство не захочет насильственно поддерживать религиозное единство и церковный авторитет, то не из равнодушия к вере и церкви, а, напротив, из веры в христианское и церковное начало благодати и любви, не требующее и не допускающее насилия.

Истинное отношение церкви и государства, без сомнения, есть обоюдная свобода, но не отрицательная свобода равнодушия, а положительная свобода согласного взаимодействия в сослужении одной общей цели — устроению истинной общественности на земле.

Правильное отношение церкви и государства существовало у нас некогда в зачатке. И если это отношение нарушено, то вина в этом падает не на государство. Ибо прежде, чем Петр Великий подверг церковную власть внешнему подчинению государственному, сама эта власть церковная уже допустила в себе противохристианский дух гордости, деспотизма и насилия и тем подвергла сомнению свое право на независимое существование. И пока иерархия русской церкви не отрешится от этого чуждого духа и не вернется к силе и разуму истинного православного христианства, до тех пор не возвратит она и своей свободы, и своего значения.

Власть церковная существует для блага общественного. Может ли она бездействовать, когда, по собственному ее признанию, общество так близко к гибели? И кому же действовать, как не ей? Ей вверен свет истины, ей даны ключи разумения. Ее призывают к делу и благоговение народа ко всему божественному, и жаждающее его искание высшей правды. Она вооружилась против раскола и сект, видя в них только мрак и зло. Должна ли она всегда оставаться при таком одностороннем взгляде: разве не крайнее благоговение к божественному вызвало раскол старообрядчества, разве не истинное искание правды Божией, стремление усвоить и осуществить ее порождает многочисленные секты в русском народе? Не должна ли духовная власть отозваться на это искание, со снисхождением устраняя невежественные и дикие его формы. Но она обратилась лицом лишь к дурной стороне народного движения в расколе, к фанатизму и невежеству, и против этого дурного стала действовать еще худшим, сначала плахами и кострами, и доньше действует запрещениями и утеснениями.

Раскол этим не уничтожился и церковь не прославилась. Ужели еще не явно, что этот путь есть путь ложный и губительный? Ужели не пора его оставить? Отчего бы духовному правительству не взяться за религиозное движение в народе с хорошей его стороны? Против темной ревности староверов ко всему божественному оно должно усилить свое просвещенное рвение. Оно должно показать, что ему так же и еще более дорога правда Божия и христианская жизнь в духе и истине, чем всем этим ищущим сектантам, — тогда они пришли бы к нему и от него получили бы то, чего ищут — живую православную вселенскую веру. Вера эта, безотчетно таящаяся в душе русского народа (как православных, так и сектантов), познала бы тогда сама себя в своем вселенском единстве и воскресла бы к новой жизни.

Тогда и лучшие люди образованного общества, отдаленные от истины христианской тем образом мертвенности и распада, который эта истина приняла в нынешней учащей церкви, — тогда и эти люди в новом просветленном образе христианства узнали бы искомую ими высшую правду и свободным убеждением отдались бы ей.

Святейший синод, в своем всенародном воззвании, указывает на решающее значение настоящего бедственного времени и на необходимость действовать против грозящей нам гибели. Для христиан, знающих, что одними человеческими силами ничего сделано быть не может, основание и источник всякого действия есть молитва. Но чтобы молитва не была языческим пустословием, необходима полная вера в силу Духа Божия, совершенная преданность всеблагой вере Божией, решительное отречение от всех внешних вещественных, недостойных дела Божия средств и орудий. Только такая молитва привлекает к нам божественные силы и дает нам действовать во славу Божию и на благо земле.

Для нас, несовершенных в вере, полухристиан и полуязычников, мало доступно такое самоотречение, мало доступна для нас и настоящая молитва. Но представители духовного царства на земле, по самому назначению своему, призваны к истинной молитве и истинному, духовному действию. Они не могут колебаться между Духом Божиим и силами вещественного мира, они должны показать, что в них пребывает и действует Тот, Кто больше мира, Кто победил мир божественною Любовью, Кто приходил не для того, чтобы судить мир, но чтобы спасти его. И истинная духовная власть, по преимуществу носящая образ Христов, на Него одного должна полагаться, оставив все соображения человеческой мудрости, которая есть буйство пеед Богом, безбоязненно отбросив все гнилые опоры человеческих преданий, которые суть прах и в прах обратятся. На такую духовную власть возлагает свои надежды христианская Россия, от такой духовной власти ждет она себе спасения; а в силу вещественную и в человеческие измышления Россия не верила и не верит.

* В. С. Соловьев. Собр. соч. В 15 т. Репринт. изд. М., ПАИМС, 1992. Т.3. С. 227–242. Статья

написана в 1881 г.

Ирина Заиканова: К началу серии публикаций по истории РПЦ

История церкви

Начиная публикацию серии статей о движении по обновлению церкви до и после Собора 1917–1918 гг., мы, естественно, прежде всего захотели определить время зарождения этого явления в жизни нашей церкви. Даже сама постановка такой задачи содержит в самом своем основании проблему онтологического характера, касающуюся того, как подходить к нему — как к явлению или как к процессу в Церкви. Говоря языком естественных наук, сначала необходимо определить: было ли это явление катастрофическим или эволюционным. Надо признать, что есть такая, и к великому сожалению, чуть ли не официальная точка зрения, что обновление обрушилось на нашу церковь откуда-то извне, что оно связано с определенными личностями, конкретным временным отрезком (1922–1946 гг.) и т. д., то есть несет в себе все признаки явления «катастрофического». Отсюда, только из самого этого подхода, следует ряд выводов, один из которых состоит в том, что «обновленчество», как его, намеренно сужая тему, называют «катастрофисты», если не умерло, то во всяком случае должно умереть, что оно, как всякая чрезвычайная ситуация, требует от церкви и чрезвычайных мер.

По ходу наших публикаций мы постараемся показать читателям, что обновление — это не случайное, более того, необходимое и, конечно, эволюционное явление в жизни Церкви, которое нельзя соединять с «обновленчеством», привнесенным в нашу церковь насильственным путем — путем социальной, во многом действительно пришедшей извне, революции, действительно имеющей свои даты и своих «героев». Эти явления нельзя путать и соединять вместе, как вдох нельзя путать и соединять с выдохом.

Понятно, что нагнетание страстей по поводу того, что страшная обновленческая «катастрофа», постигшая нашу церковь, не прошла, вызывает отклик в сердцах некоторых не очень любознательных ее членов, приводит к неадекватным оценкам у представителей священства, чему свидетельством является конференция «Единство Церкви», «прославившаяся» карательными методами борьбы за единство. Не случайно один из участников определил ее стиль как «духовный большевизм». Конференция потерпела фиаско именно потому, что процесс, который имеет и свои корни, и большую историю, и будущее, нельзя остановить какими-то разовыми мерами — даже «большевистскими».

Более же продуктивным и согласным с христианскими взглядами на Церковь как Тело Христово является «эволюционистский» подход и стремление рассматривать ее как живой организм, не способный жить в отрыве от окружающей среды, в отрыве от осознания ее собственного роста и пути, который есть Новый Завет. Понимаемое так обновление, как характерное и специфическое явление в жизни Церкви, отмечающее этапы этого пути, прослеживается во всей истории Церкви. Думаем, что с полным основанием можно назвать обновлением Церкви такие основополагающие явления, как разработка и внедрение в ее жизнь учения о Святой Троице и единосущии Ее Лиц; монашества и монастырского устава; литургическая деятельность свв. Василия Великого и Иоанна Златоуста; перевод Священного писания на славянский язык свв. Кириллом и Мефодием, но в такой же мере и перевод тех же книг на русский язык, осуществленный под руководством свт. Филарета и т. д.

Не всегда (и это, в частности, вытекает из анализа Книги правил и истории Вселенских

соборов) новшества в Церкви имели положительный характер. Можно назвать такие яркие примеры, как иконоборчество или разделение Церквей, к ним же с полным основанием можно отнести и «обновленчество» с его «разбойничими» соборами, подчинением государству, партии и, конечно, ГПУ и КГБ и т. д. На это нельзя закрывать глаза, но нельзя и не учитывать того, что все они инициировались извне Церкви. Они были результатом того, что в ней как раз и не происходило обновления, то есть не было адекватного ответа на изменяющиеся внешние и внутренние факторы ее жизни. Таким образом, об обновлении можно говорить не только как о свойственном, но и как о необходимом явлении в жизни Церкви.

В Церкви остается непреходящее. Если же не остается, как это было с идеями обновления, «насильственно» вытесненными из нее, то удивительным образом возвращается. Сколько раз в истории христианства Церковь обращалась к вопросу родного языка? Сколько раз говорилось о служении мирян и сколько о важности общинной жизни? Этот ряд можно продолжить, но о нем еще будет речь, когда мы предоставим слово тем, кто ощутил, прожил и даже выстрадал эти непреходящие потребности Церкви.

Когда же пришло время обновления, для которого мы сознательно не определили начальных границ, но лишь центр, которым должен был быть у него, по идее его отцов, Поместный собор 1917–1918 гг.? Если мы признаем, что обновление — явление эволюционное, то начала его следует связывать не с первым упоминанием этого слова, не с первыми публикациями, не с чьими-то именами или организациями, но с причинами несоответствия богочеловеческой сущности и пути Церкви ее человеческим грехам и историческим условиям, которые оно должно было нейтрализовать*. Это принципиально важно, поскольку в противном случае, как это и делают некоторые церковные историки и недобросовестные публицисты, обновление представляется не более как блажь соскучившейся по новшествам относительно небольшой группы белого духовенства. Эти сторонники «катастрофизма» настраивают своих читателей воспринимать Церковь как нечто пассивное и неживое.

Не только из их работ, но даже и из трудов достаточно глубоких историков вытекает, что обновление началось с обращения 32-х священников к митрополиту Антонию Вадковскому в 1906 г., а уже в облике «обновленчества» было прекращено государством. Нам представляется существенным сказать о том, что это не так: обновление было средством исцеления, а не самоцелью или чьим-то изыском. И можно ли по лекарствам судить о болезни, и не главное ли установить сначала диагноз? Хотя бы для того, чтобы не повторить грех, за который заплачено очень дорогой ценой. Даже самый поверхностный взгляд на нашу литературу, которая всегда отличалась тонкой чувствительностью к духовной стороне жизни, дает нам серию циклов, отражающих отношение к церкви общества, показывающих симптомы наступавшей болезни: «бурсацкий», священнический, нигилистический, социалистический и, наконец, — революционный. И в этом свете иначе воспринимается обращение 32-х — как, возможно, запоздалое средство вернуть русским людям Церковь, поднять ее над всеми водоворотами истории, которые уже наступили или грозили российскому обществу. Очень важно также отметить, что, слава Богу, в нем, наряду с отходом от Христа, формировалось и встречное мощное движение, поэтому и «Союз церковного обновления», и подготовка Собора 1917–1918 гг. имели живой и естественный отклик в церкви и обществе. Этот период как-то забывают, но он дал замечательный и обильный всплеск в литературе, причем более всего в богословской и философской публицистике, отмеченной, кстати, замечательным вкусом, литературным мастерством и даром слова.

«От избытка сердца» писали миряне — светские богословы, философы, историки, даже юристы, можно без конца перечислять замечательные имена: Хомяков, Чаадаев, Гоголь, Достоевский, Трубецкой, Аксаков, Лопатин и многие, многие другие. Конец прошлого века — это уже начало

золотого века мирянского богословия.

Это мощное движение конца прошлого века, вообще богатого гигантами духа и культуры, было благодатным продолжением критического момента в истории нашей церкви и общества, приходившегося на его 40-60-е годы, когда интеллигенция России очень мучительно решала для себя вопрос: оставаться ей в церкви или нет? От этого же периода и от этого же «пытания времени» пошли в мир и «терния» — революционные демократы, «будившие» друг друга, по образному выражению Ленина, вплоть до него самого, и выбравшие путь безверия.

В это же время формировалась личность очень одаренного, но в наше время недостаточно известного в широких церковных кругах философа и поэта В. С. Соловьева. Формировалась очень сложно, особенно в юношеские годы, через отход от церкви, через очень трудное, но сознательное и искреннее возвращение к Богу. Ему удалось довольно полно передать состояние Российской церкви конца прошлого века. В статье, которую мы приводим ниже, содержится такой взгляд на историю нашей церкви, из которого однозначно выводился «диагноз» ее болезней, а значит, и пути лечения, возвращения ей богочеловеческой сущности. Конечно, не один Вл. Соловьев писал об этом, можно привести немало имен достаточно известных публицистов, в том числе и отошедших от церкви, но никто, как нам кажется, не сказал этой горькой правды так неравнодушно и при этом изнутри церкви. Впрочем, не только это послужило поводом выбрать его произведение для начала наших публикаций. Главным все-таки было признание огромного авторитета, который имел Вл. Соловьев среди тех представителей российской интеллигенции, которые не искусились несостоятельностью (иначе не одержали бы верх «революционные демократы» всех мастей) церкви и, не найдя в ней поддержки, готовили ее обновление в своих кругах. Только в начале нашего века идеи обновления смогли укорениться в среде передовой части клира, будучи уже сформулированными. Роль Вл. Соловьева здесь огромна, даже после его смерти его последователи продолжали жить, как бы неся его подвиг, служа Церкви своими талантами, идя в том направлении, которое задал русской интеллигенции он. Это не пустые слова. Познакомившись с приведенной ниже статьей, читатель убедится в почти пророческом даре этого философа, сумевшего определить и назвать основные вехи обновления, включая Поместный собор, начинавшийся, правда, уже под залпы «разбуженной» революционными демократами революционной катастрофы. То, что предсказанный Вл. Соловьевым Собор состоялся позже этого триумфа безбожия, показывает еще одну черту церковного обновления — оно не просто должно быть, но должно быть вовремя. Собственно, и «обновленчество» было ничем иным как запоздавшим обновлением, обновлением невовремя. Для него же есть сроки, которые церкви нельзя переступить необновленной, то есть неготовой, подобной тем неразумным девам из евангельской притчи, которым божественный Жених ответил: «Истинно говорю вам: не знаю вас». Итак, бодрствуйте...» (Мф 25: 12,13).

Александр Копировский: «Ветхий Завет в русской поэзии»

Поэзия

Так называется книга, вышедшая в издательстве «Ключ»¹. Она вместила в себя, конечно, далеко не все, что написали на эту тему русские поэты. Но главная проблема — в другом. Писать «по Библии» — не значит просто подчинить размеру и зарифмовать известные всем события или, наоборот, пересказать их «от себя». Нужно максимально приблизиться к духу оригинала, открыть новые глубины в нем, и тогда по-другому можно увидеть себя и

окружающий мир. Это — большой риск. Поэтому, наверное, большинство поэтов, представленных в книге, не дерзят, но и не дерзают. Тем отраднее видеть примеры другого рода. Некоторые из них мы помещаем ниже.

Александр Копировский

Николай Гумилев

АДАМ

Адам, униженный Адам, Твой бледен лик и взор твой бешен, Скорбишь ли ты по тем плодам, Что ты срывал, еще безгрешен?

Скорбишь ли ты о той поре, Когда, еще ребенок-дева, В душистый полдень на горе Перед тобой плясала Ева?

Теперь ты знаешь тяжкий труд И дуновенье смерти грозной, Ты знаешь бешенство минут, Припоминая слово «поздно».

И боль жестокою, и стыд, Неутолимый и бесстрастный, Который медленно томит, Который мучит сладострастно.

Ты был в раю, но ты был царь, И честь была тебе порукой, За счастье, вспыхнувшее встарь, Надменный втрое платит мукой.

За то, что не был ты как труп, Горел, искал и был обманут, В высоком небе хоры труб Тебе греметь не перестанут.

В суровой доле будь упрям, Будь хмурым, бледным и согбенным, Но не скорби по тем плодам, Неискупленным и презренным.

1910

Владимир Набоков

РАЙ

Любимы ангелами всеми, толпой глядящими с небес, вот люди зажили в Эдеме, — и был он чудом из чудес. Как на раскрытой Божьей длани, я со святою простотой изображу их на поляне, прозрачным лаком залитой, среди павлинов, ланей, тигров, у живописного ручья ... И к ним я выберу эпитафию первой Книги Бытия. Я тоже изгнан был из рая лесов родимых и полей, но жизнь проходит, не стирая картины в памяти моей. Бессмертен мир картины этой, и сладкий дух таится в нем: так пахнет желтый воск, согретый живым дыханьем и огнем. Там по написанному лесу тропами смуглыми брожу, — и сокровенную завесу опять со вздохом отвожу...

1925

Марина Цветаева

ИОСИФ

Царедворец ушел во дворец. Раб согнулся над коркою черствой. Изломала — от скуки — ларец Молодая жена царедворца.

Голубям раскусила зоба, Исщипала служанку — от скуки, И теперь молодого раба Притянула за смуглые руки.

— Отчего твои очи грустны? В погребах наших — царские вина! — Бедный юноша — я, вижу сны! И служу своему господину.

— Позабавь же свою госпожу! Солнце жжет, господин наш — далеко ... — Я тому Господину служу, Чье не дремлет огромное око.

Длинный лай дозирающих псов, Дуновение рощи миндальной. Рокот спорящих голосов В царедворческой опочивальне.

— Я сберег господину — казну. — Раб! Казна и жена — не едино. — Ты алмаз у него. Как дерзну — На алмаз своего господина?!

Спор Иосифа! Перед тобой — Что — Иакова единоборство! глотает — с улыбкою — вой Молодая жена царедворца.

23 августа 1917

Вячеслав Иванов

ИОВ

Божественная доброта Нам светит в доле и недоле, И тень вселенского креста На золотом простерта поле. Когда ж затмится сирий дол Голгофским сумраком, — сквозь слезы Взгляни: животворящий ствол Какие обьмают розы!

Кто, мирных пристаней беглец, В широких океанах плавал, Тот знал, отчаянный пловец, Как душу делят Бог и дьявол: Кому ты сам пойдешь, кому Судьбы достанутся обломки; Он помнит бурь кромешных тьму И горший мрак — души потемки.

Но лишь кто долгий жизни срок Глубоко жил и вечно ново, Поймет — не безутешный рок, Но утешение Иова: Как дар, что Бог назад берет, Упрямым сердцем не утрачен, Как новой из благих щедрот Возврат таинственный означен.

Лето 1912

Владислав Ходасевич

МОИСЕЙ

Спасая свой народ от смерти неминуемой, В скалу жезлом ударил Моисей — И жаждущий склонился иудей К струе студеной и певучей. Велик пророк! Властительной руки Он не простер над далью синеватой. Да не потек послушный соглядатай Исследовать горячие пески. Он не

молил небес о туче грозовой, И родников он не искал в пустыне, Но силой дерзости, сей властью роковой, Иссек струю из каменной твердыни ... Не так же ль и поэт мечтой самодержавной Преобразует мир перед толпой — Но в должный миг ревнивым Еговой Карается за подвиг богоравный? Волшебный вождь, бессильный и венчанный, — Ведя людей, он знает наперед, Что сам он никогда не добредет До рубежа страны обетованной.

1909 — 30 мая 1915